МАЦЕВИЧ МАРИЯ ЯНУШЕВНА

Независимый исследователь, доцент, кандидат философских наук. Минск, Республика Беларусь

E-mail: vvv0045@mail.ru

УДК 130. 2.

МЕТАФИЗИКА БЕЛОРУССКОГО ИЗЛОМА
(смерть музыки и «онтология сиротства»)

В статье осуществляется комплексный историко-философский и экзистенциально-феноменологический анализ современных трансформаций гуманитарного знания, рассматриваемых сквозь призму авторской концепции «онтологии сиротства». Центральное внимание уделяется процессам институциональной перестройки и изменения характера функционирования научно-философской базы в восточноевропейском регионе, выразившимся в структурной реорганизации академических центров и оптимизации профильных университетских кафедр.

Опираясь на фундаментальные категории Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Дж. Саллиса, Х. У. фон Бальтазара, Ю. Тишнера, Л. Шестова и Дж. Агамбена, автор исследует риски прерывания преемственности интеллектуальной традиции. Динамика локального философского дискурса диагностируется как ослабление чуткости к классическому «духу музыки», вытеснение укорененного в историческом контексте вопрошания о Бытии механизмами нормативно-бюрократического регулирования, дескриптивной компиляции и формализации исследовательских практик.

В работе сопоставляются традиционные университетские школы XX века, удерживавшие ценностную целостность гуманитарного ландшафта, и современная ситуация прагматической автономизации знания; разворачивается аргументация в пользу того, что закрытие оригинальных философских кафедр и реструктуризация научно-исследовательских институций на основе критериев утилитарной эффективности создают серьезные вызовы для культурной и ментальной идентичности общества. Подобные регуляторные тенденции ограничивают возможности воспроизводства национальной гуманитарной традиции, создавая риски сужения пространства суверенной интеллектуальной деятельности перед лицом глобальных информационных и технократических вызовов.

Ключевые слова: онтология сиротства, традиция, заброшенность, Dasein, дух музыки, иллюзорное бытие, институциональная трансформация, культурная преемственность, идентичность, технократические вызовы.

Maria J. Matsevich

Minsk, Belarus
E-mail: vvv0045@mail.ru

METAPHYSICS OF THE BELARUSIAN FRACTURE (The Death of Music and the «Ontology of Orphanhood»)

This article provides a comprehensive historical-philosophical and existential-phenomenological analysis of contemporary transformations in the humanities, viewed through the prism of the author's proprietary concept of the «ontology of orphanhood». Central attention is paid to the processes of institutional restructuring and the shifting functional nature of the scientific and philosophical framework in the Eastern European region, manifested in the structural reorganization of academic centers and the optimization of specialized university departments.

Drawing on the foundational categories of E. Husserl, M. Heidegger, J. Sallis, H. U. von Balthasar, J. Tischner, L. Shestov, and G. Agamben, the author explores the risks of interrupting the continuity of the intellectual tradition. The dynamics of local philosophical discourse are diagnosed as a weakening sensitivity to the classical «spirit of music», and the displacement of the historically rooted questioning of Being by mechanisms of normative-bureaucratic regulation, descriptive compilation, and the formalization of research practices.

The paper contrasts traditional 20th-century university schools, which maintained the axiological integrity of the humanities landscape, with the contemporary situation of the pragmatic autonomisation of knowledge. It argues that the closure of original philosophical departments and the restructuring of research institutions based on criteria of utilitarian efficiency pose serious challenges to the cultural and mental identity of society. Such regulatory trends limit the reproduction of the national humanities tradition, creating risks of narrowing the space for sovereign intellectual activity in the face of global informational and technocratic challenges.

Keywords: ontology of orphanhood, tradition, thrownness, Dasein, spirit of music, illusory being, institutional transformation, cultural continuity, identity, technocratic challenges.

DOI: 10.32691/2410-0935-2026-21-280-321

© М. Я. Мацевич 2026

Введение

А время сматывает нить...
И нет возврата в то мгновенье,
Где мы пытались совместить
Свое земное назначенье.

Игорь Шкляревский

Автор выражает глубокую признательность главному редактору журнала, доктору философских наук Сергею Алевтиновичу Смирнову за научно-экспертное содействие, готовность к рассмотрению настоящей рукописи и сущностный аналитический интерес к заявленной проблематике. Особую значимость этой поддержке придает искреннее неравнодушие редактора альманаха к белорусскому философскому пространству и его открытость содержательному профессиональному диалогу. Смысловое развертывание этой совместной рефлексии обретает особую институциональную почву в рамках долгосрочного партнерства ИФПР СО РАН и Института философии НАН Беларуси. Перешагнув рубеж своего 95-летнего юбилея, белорусская академическая школа совместно с российскими коллегами продолжает формировать единые интеллектуальные горизонты двух стран.

Проблема деструкции коммеморативных пространств и утраты интерсубъективной преемственности является одним из наиболее критических вызовов современной реальности. В границах актуального дискурса технократического прагматизма зачастую манифестируется гносеологический эгоцентризм субъекта, стремящегося конституировать собственную идентичность вне связи с предшествующей академической и культурной традицией. Подобная интенция на радикализированное «обнуление» исторического опыта репрезентирует глубокий кризис тождественности, трансформирующий структуру сознания человека и лишающий его укорененности в онтологическом контексте.

Данная тенденция находит свое материальное воплощение в процессах утилитарной трансформации культурно-исторического ландшафта Белоруссии. Оптимизация музыкально-педагогических факультетов, сокращение гуманитарных кафедр, реструктуризация институтов академической науки, а также прагматическая редукция городских зеленых зон и уничтожение аутентичной архитектурной среды ведут к глубоким семантическим потерям. Из общего антропологического и жизненного пространства изымается не просто физический субстрат, а разрушаются укорененные смысловые связи.

Происходящий процесс означает деструкцию того феномена, который Э. Гуссерль в работе «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» раскрывал через концепт интенциональности — сущностного свойства переживаний «быть сознанием о чем-то» [Гуссерль 2009: 111]. В поздний период творчества («Кризис европейских наук...») философ существенно углубляет эту мысль, укореняя интенциональные структуры в контексте «жизненного мира» (*Lebenswelt*) дотеоретического фундамента человеческого опыта [Гуссерль 2004: 35]. Утрата преемственности внутри этого поля превращает живой феноменологический опыт в абстрактный, механический факт. Оптимизация гуманитарных институций и ценностная глухота к культуре являют собой предельное воплощение рационалистического прагматизма, о котором пророчески предупреждал Ф. Ницше в труде «Рождение трагедии из духа музы-

ки». Философ концептуализировал данный процесс через фигуру умирающего Сократа как архетипа теоретического человека, глухого к изначальным, дионисийским основаниям бытия [Ницше 2012: 94].

В ницшеанской критике Сократ знаменует собой тип мышления, для которого реальность исчерпывается исключительно логическими конструкциями, утилитарностью и оптимистической верой в способность рационального познания прагматически перестроить жизнь. «Отсутствие музыки» в данном контексте знаменует собой глубокую ценностную глухоту, неспособность культуры сопереживать живым, органическим смыслам существования, без которых исторический процесс лишается своего катарсического начала. Критикуя рационализм в «Апофеозе беспочвенности», Л. Шестов предвидел кризис традиционного познания. Он предупреждал, что навязанные разумом шаблоны опасны для человека, так как общепринятые логические правила крадут у него настоящую, живую реальность личного бытия [Шестов 1996: 177]. Однако современная социокультурная «беспочвенность» репрезентирует принципиально иной, деструктивный тип симуляции. Она носит утилитарно-технократический, гедонистический характер, запуская латентный процесс институционального саморазрушения.

Данный экзистенциальный тупик актуализирует идеи Мартина Хайдеггера, концепцию «заброшенности» (*Geworfenheit*) как фундаментального модуса человеческого существования [Хайдеггер 1997: 135]. Человеческое Присутствие (*Dasein*) всегда обнаруживает себя уже заброшенным в конкретный исторический, культурный и географический ландшафт, будучи детерминированным прошлым, языком и бременем унаследованной судьбы. Для белорусского социокультурного пространства XX–XXI веков такими механизмами исторической заброшенности выступали масштабные геополитические трансформации: интеграция населения в пределах бывшей имперской черты оседлости, трагедия еврейских местечек, советские миграционные процессы, принудительные депортации, сталинские лагеря, репрессии, тотальная катастрофа войны, эвакуации и послевоенная система распределения кадров. Эти процессы аккумулировали на данной территории уникальный субстрат человеческого потенциала, высокой духовной и интеллектуальной плотности, удерживающий хайдеггеровский «экстазис временности» (*Die Ekstasen der Zeitlichkeit*) перед лицом хаотической деструкции исторических контекстов. «Временность есть первичное «вне-себя» по себе и для самого себя. Мы именуем поэтому означенные феномены настающего, бывшести и актуальности экстазами временности. Временность не есть сперва некое сущее, только выступающее из себя, но ее существо есть временение в единстве экстазов» [Хайдеггер 1997: 329]. Именно вопреки хаосу небытия, из травматического исторического опыта последовательно формировался строгий аполлонический ландшафт белорусской академической традиции и науки.

В границах этого темпорально-экзистенциального континуума выдающиеся отечественные этнографы и композиторы осуществили фиксацию и систематизацию дионисийского, ускользающего, бесписьменного мелоса белорусской деревни, придав ему текстуальную форму и модифицировав архаичный народный плач в симфонические структуры. Аналогичную функцию трансляции классического опыта выполнили и великие педагоги балета, унасле-

довавшие традиции дореволюционной академической школы, которые нивелировали исполнительскую провинциальность, трансформируя психофизику учеников в подлинный гуссерлианский феномен духа и строгую геометрию танца. Музыкальное, хореографическое и исполнительское пространство кодифицировалось деятельностью целой плеяды мастеров, чьи преемственность и связи неизменно соединяли культуру с вершинами мирового авангарда. Созданные здесь уникальные художественные школы открыли воистину феноменологический горизонт для мастеров с мировым именем, зафиксировав бытие традиционного местечка как метафизический факт, а последующий трансфер визуальной интенциональности и строжайшей культуры академического рисунка стал фундаментом для формирования всей национальной живописи.

Мартин Хайдеггер понимал подлинное человеческое существование как удержание себя в Бытии (*das Sichhalten im Sein/Inständigkeit*). В своем эссе «Строить, жить, мыслить» он подчеркивает, что эта укорененность требует своего архитектурного воплощения: человек способен обустраивать пространство, создавая постройки, соразмерные Бытию [Хайдеггер 1993: 142].

Послевоенный монументальный неоклассический ансамбль белорусских городов, сформированный зодчими академической школы в полуразрушенных городах республики, представлял собой экзистенциальную попытку удержать бытие от распада, вернуть человеку символический Дом, пространственную ориентацию и почву под ногами. Вектор фундаментального знания кодифицировался и деятельностью национальной школы физики, заложившей строжайшую культуру оптики научного мышления. Философская рефлексия в Белоруссии XX столетия традиционно развивалась в пограничных экзистенциальных координатах, выступая попыткой мыслить на краю пропасти после того, как в 1930-е годы была физически репрессирована собственно национальная мысль.

В данном контексте развертывался латентный, имплицитный процесс, который аналогичен тому, что представитель современной феноменологической традиции Джон Саллис в своем труде «Хора: Исследования в области платоновского «Тимея»» охарактеризовал как экспликацию до-образного пространства материальности (*chora*) [Sallis 2000a: 62]. Дж. Саллис концептуализирует «хору» в качестве бесформенного вместилища и пространства формирования, создающего условия для запечатления высших смысловых структур. Белорусская почва, функционируя наподобие метафизической «хоры», интегрировала в себя травматический опыт переселенцев, превращая его в базовый субстрат национальной культуры, где боль обретала упорядоченную структуру, а культурная рефлексия — строгое образно-понятийное выражение. Более того, Дж. Саллис в исследовании «Сила воображения: Поэтика пространства» эксплицитно указывает, что подлинное воображение всегда укоренено в чувственно-воспринимаемой почве материальных объектов и физическом присутствии [Sallis 2000b: 118]. Следовательно, деструкция физических пространств памяти, ликвидация факультетов, реструктуризация кафедр и безудержное уничтожение природного ландшафта, лишает интенциональное воображение его материального субстрата, детерминируя процесс отчуждения культуры от ее пространственно-онтологических оснований.

Методологическую основу исследования составляет синтез трансцендентальной феноменологии и экзистенциальной онтологии, дополненный мето-

дами историко-культурной компаративистики и философской герменевтики. Феноменологическая оптика обеспечивает деконструкцию «жизненного мира» (*Lebenswelt*) Э. Гуссерля и удержание интенциональности при анализе ландшафта. Хайдеггеровская аналитика Присутствия (*Dasein*) и хорологический анализ Дж. Саллиса позволяют рассмотреть деструкцию институциональных пространств памяти как онтологический кризис смыслопорождения. В свою очередь, адогматический подход Л. Шестова и критическая культурология Ф. Ницше используются в качестве аналитического базиса для понятийного модерирования современных процессов утилитарно-технократической оптимизации гуманитарного знания.

Цель статьи — концептуализация метафизического излома белорусского культурно-исторического ландшафта XX–XXI веков через призму «онтологии сиротства», выявление механизмов удержания подлинного Присутствия в искусстве и науке прошлого, а также философская критика современных институциональных вызовов и ценностной глухоты к «духу музыки».

Архитектоника камня, холста и изломанной плоти как удержание Присутствия

Я весь — излом, я весь — сквозная рана,
Где время воет в щели бытия.
И в этой мгле, у самого кургана,
Уже не Бог стоит, а тень моя.

Вениамин Блаженный

Катастрофа, обрушившаяся на белорусскую землю в середине XX столетия, представляла собой не просто масштабный геополитический конфликт или физическую деструкцию урбанистической среды. Это был фундаментальный онтологический прорыв небытия в самую сердцевину человеческого существования. Человеческое Присутствие оказалось вытесненным в пространство тотальной руинизации, полностью лишившись своего привычного предметного контекста и институционального горизонта.

Культурно-географическое пространство Белоруссии 40-х годов XX века фактически трансформировалось в хайдеггеровское Ничто (*Das Nichts*). Ничто не является простой абстракцией или логическим отрицанием, оно «ничтожит» (*nichtet*) само по себе, обнаруживая свой деструктивный характер через тотальный, парализующий ужас (*Angst*): «В ужасе <...> уплывание сущего в целом подавляет нас и стесняет. Не остается ничего для опоры. В наступающей жути остается и захватывает нас только это «ничего»» [Хайдеггер 1993: 21]. В условиях, когда преемственность поколений и традиций физически стиралась в эпицентре военных действий, возникла непосредственная угроза окончательного распада смысловых структур самого человеческого существа.

Именно в этой точке абсолютного исторического излома проявил себя жест интеллектуальной элиты (в частности, архитекторов), взявших на себя роль «хранителей бытия» (концепт, глубоко укорененный в онтологии М. Хайдеггера) [Хайдеггер 1993: 202, 210]. Архитекторы, врачи, ученые и художники, интегрированные в данную пространственную «хору» [Sallis, 2000b, c. 62] военными бурями и послевоенной системой государственного распределения кадров, совершили глубокий метафизический сдвиг. Они инициировали про-

цесс реконструирования распадающегося жизненного мира, противопоставив прагматическому беспамятству и хаосу строгую онтологическую дисциплину и академический канон.

Обустройство этого выжженного топоса началось с архитектурного камня. М. Хайдеггер утверждал, что подлинное «строение» (*Bauen*) семантически тождественно «обитанию» (*Wohnen*), а способность человека экзистенциально укореняться на земле напрямую детерминирована тем, насколько создаваемые им материальные структуры способны «собирать» вокруг себя Четверицу (*Geviert*), единство земли, неба, смертных и божественных [Хайдеггер 1993: 142].

Мастера архитектуры подошли к разрушенному городу не как строители-прагматики, а как подлинные философы пространства. Выдающийся зодчий И.Г. Лангбард, чей довоенный конструктивизм монументально детерминировал пространственный масштаб Минска, и мастера послевоенного поколения — М. П. Парусников, Г. В. Заборский — подошли к реконструкции с позиций восстановления Космоса культуры. М. П. Парусников, проектируя комплексный неоклассический ансамбль магистрального проспекта, концептуально отказался от хаотичной, фрагментарной застройки пустот. Он наложил на хаос минского пепелища строгую, телеологически детерминированную сетку классического ордера. Данная геометрия фасадов, выверенный ритм колоннад и триумфальных арок репрезентировали не просто поверхностную идеологическую декорацию, как это представляется редукционистскому, прагматическому мышлению современности; это был акт онтологического созидания и раскрытия мира в хайдеггеровском понимании [Хайдеггер 2008: 195]. Именно в этой логике преодоления хаоса А. Г. Духан, как прямой продолжатель традиции, создавал проект главного корпуса Белорусского государственного университета. Однако современная утилитарная реновация превращает этот неоклассический триумф в поверхностное «архитектурное шоу», когда стирание аутентичных интерьеров главного корпуса университета уничтожает не ветхие материалы, а саму застывшую атмосферу эпохи, что, по оценкам экспертов, безвозвратно прерывает живую онтологическую преемственность культуры.

Классическая форма, реализованная М. Парусниковым и Г. Заборским, возвращала заброшенному, травмированному войной человеку пространственную ориентацию. Она восстанавливала его укорененность в жизненном мире (в контексте феноменологии *Lebenswelt* Э. Гуссерля) [Гуссерль 2004: 30–45], даруя ощущение символического Дома и почвы под ногами. Каждое архитектурное сооружение функционировало здесь как своего рода аполлонический щит, удерживающий человеческое присутствие от сползания в бесформенную бездну экзистенциального небытия [Хайдеггер 2008: 180–200]. Камень свидетельствовал об онтологическом приоритете порядка над разрушением, доказывая способность традиции к регенерации сквозь исторический пепел посредством универсального языка художественной формы [Хайдеггер 1993: 130–145]. Однако урбанистическое пространство кодифицируется не только геометрией магистралей, но и психофизическим состоянием его обитателей. На данном историческом изломе удержание самого Присутствия требовало от творцов радикального осмысления бездны перенесенного страдания и ментального распада эпохи [Хайдеггер 1993: 320–335].

В этих координатах ключевое значение приобретает фигура выдающегося профессора И. Б. Галанта и всей врачебной династии Галантов. Иван Борисович Галант, психиатр и невролог с глубочайшей базельской, европейской научной закваской, бывший учеником и коллегой К. Юнга, Э. Блейлера и А. Адлера, оказался заброшен в Белоруссию в результате сложных исторических траекторий XX века. Его появление среди врачей и пациентов Гомельской областной психиатрической больницы и в клинических пространствах республики стало актом реинтеграции европейского гуманитарного, клинического масштаба в регион, переживший опыт тотальной дегуманизации. Согласно методу Галанта, патография в рамках эвроэндокринологии исследует природу гениальности через медицинский анализ тела творца, доказывая, что гормональный статус и работа желез внутренней секреции напрямую кодируют особенности художественного мышления, ритм работы и душевные кризисы выдающейся личности [Сегалин 1925–1930]. Однако там, где советская медицинская школа видела лишь соматический сбой и калькулируемый биохимический субстрат, немецкая экзистенциально-онтологическая мысль открывала принципиально иное измерение. Взаимодействие с деструктивным хаосом ментальных расстройств и изломанной психофизикой понималось в рамках феноменологии не как объект клинического препарирования, а как пограничное обнаружение человека в мире. Для М. Хайдеггера подобный душевный надлом выступает радикальным оголением самого Присутствия, которое вопреки давлению анонимной повседневности (*das Man*) пытается реанимировать свою изначальную подлинность через ужас и заброшенность (*Geworfenheit*) [Хайдеггер 1997: 134–135]. Таким образом, патографический позитивизм Галанта и фундаментальная онтология Хайдеггера фиксируют одну и ту же трагедию человеческого излома, но если первый редуцирует ее до формулы желез, то второй возводит в статус высшего бытийного парадокса.

Вектор фундаментального знания кодифицировался и деятельностью национальной школы физики, созданной академиком Б. И. Степановым, учеником В. М. Чулановского, С. И. Василова. Прибыв из Ленинграда, Б.И. Степанов привнес строжайшую культуру научного мышления, развил нелинейную оптику, что позволило сформировать из выпускников местных региональных вузов научные кадры мирового уровня. Философская рефлексия в Белоруссии XX столетия традиционно развивалась в пограничных экзистенциальных координатах, выступая попыткой мыслить на краю пропасти после того, как первая национальная академическая элита была физически репрессирована в 1930-е годы.

Интенциональный дух формы требовал не только звукового и архитектурного, но и пространственно-визуального воплощения. Феномен белорусской живописи XX века генетически укоренен в специфическом пространстве черты оседлости и советского исторического излома. Ю. Пэн в Витебске создал уникальную художественную школу, ставшую институциональным фундаментом для формирования мирового авангарда. Он открыл принципиально новый феноменологический горизонт для своих учеников: М. Шагала, Л. Лисицкого, О. Цадкина. Сквозь призму традиционного рисунка Ю. Пэн впервые зафиксировал повседневное и духовное бытие еврейского местечка не как случайный этнографический элемент, а как глубокий метафизический факт, обладающий собственной онтологической ценностью. Истоки национальной пейзажной

школы также неразрывно связаны с мощным транслятором классической традиции В. К. Бялыницким-Бирулей, чьи лирические онтологические ландшафты укореняли преемственность дореволюционной русской живописи на родной почве. Экзистенциальный дух этой преемственности углублялся импрессионистическим влиянием пейзажей С. Жуковского и тонким символизмом Ф. Рущица, возвращавших пространству утраченную сакральность. Земля Белоруссии впитывала эту традицию буквально физически, о чем напоминает могила выдающегося русского передвижника Н. В. Неврева на Лысковщине.

Позднее, в середине века, в визуальный регистр этой заброшенности включается плеяда мастеров совершенно иной, классической столичной закваски, прибывших для созидания национальной школы и принесших с собой мощное влияние российской академической традиции. Знаковой фигурой данного академического трансфера стал художник В. В. Волков, потомок русских иконописцев и мастеров передвижничества, зафиксировавший строжайшую культуру рисунка. Его монументальное полотно «Минск. 3 июля 1944 года», создание которого потребовало более десятилетия кропотливой работы и сотен натурных эскизов реальных жителей разрушенного города, выступило актом феноменологической фиксации исторического мгновения.

В этот же процесс трансляции академического опыта включился В. П. Суховерхов, обогативший послевоенную белорусскую живопись суровой монументальной эстетикой и придавший ей масштаб исторического эпоса. Одновременно с ними академическую традицию петербургской школы представлял художник А. Д. Шибнев. Его глубокий психологический рисунок удержал ценность человеческого лица в пространстве, деформированном войной. Связующей нитью здесь выступает преемственность поколений. Реализм А. С. Бархаткова, унаследовавшего лучшие традиции русской пейзажной школы, стал идеальным отражением предложенной концепции. Параллельно с ним раскрывается М. К. Севрук, его портреты и бытовые о полотна поражают интеллектуальным психологизмом. Такое созвучие авторов создает непрерывный обмен художественным опытом столичного академизма. Органичной частью единого процесса выступает и деятельность крупнейших мастеров рисунка, живописи, сценографии, О. П. Марикса и Г. Ф. Бржозовского. Их строгая дисциплина профессионального канона структурировала местное визуальное пространство.

Особое, принципиальное значение в художественной архитектонике имеет фигура М. А. Савицкого. Необходимо открыто признать, что его жесткая, трагическая экспрессия, монументальный пластический язык и знаменитые концептуальные циклы полотен фактически были сформированы, выпестованы и легитимированы именно российской академической средой (Суриковским институтом в Москве), в то время как локальный белорусский контекст первоначально отторгал эту радикальную, шокирующую экзистенциальную правду. Влияние столичной школы ярко проявилось и в творчестве М. В. Данцига, привнесшего плотную экспрессивную пластику «сурового стиля», превратившего Минск в масштабный философский конструкт. Прямым продолжением этой строгой структурной дисциплины духа стал экспрессивный конструктивизм И. М. Басова. Даже в более поздний период преемственность этой школы прослеживается в творчестве Б. А. Заборова, переплавившего советский академический бэкграунд в глубокую экзистенциальную метафизику утраченной

памяти, а в современном контексте — в ироническом и виртуозном реализме В. А. Губарева, удерживающем классическую пластику формы в координатах постмодерна. Сборка и институциональное сохранение этого колоссального феноменологического поля стали возможны благодаря безупречному эстетическому вкусу, воле и стратегическому мастерству Е. В. Аладовой, буквально из руин воссоздавшей Государственный художественный музей, сберегая уникальные памятники традиции.

Дж. Саллис в своем исследовании «Сила воображения: Поэтика пространства» эксплицитно указывает, что подлинное воображение (*Phantasia*) обладает способностью придавать видимость, материальную плотность и онтологическую устойчивость тому, что неизбежно ускользает и гибнет в потоке времени [Sallis 2000b: 118]. Деятельность приезжих мастеров и их прямых последователей ознаменовала принципиальный онтологический сдвиг: их творчество позволило зафиксировать на холсте драматический опыт локального Присутствия, удержав его от растворения в безликих схемах идеологического официоза [Хайдеггер 1997: 135]. Передача этой визуальной интенциональности — способности воспринимать мир не плоским, а объемным, наполненным экзистенциальным светом — стала фундаментальной основой для формирования всей белорусской живописи второй половины XX столетия.

Со смертью Олега Владимировича Ходыко рухнул символический бастион и стал рассыпаться костяк традиции минских реставраторов, знаменитой «Басталии», однако ее тихим, свободным от конъюнктурного официоза продолжателем остается Николай Григорьевич Золотухо. Этот скрытый экзистенциальный жест удерживает живую преемственность профессиональной духовности на историческом изломе.

Вся описанная масштабная архитектоника наследования — от градостроительных чертежей М. П. Парусникова до клинических регистров И. Б. Галанта, от спектрального анализа Б. И. Степанова, опыта витебской школы Ю. Пэна, от В. К. Бялыницкого-Бирули до кистей В. В. Волкова, В. П. Суховерхова, А. Д. Шибнева, А. С Бархаткова, М. К. Севрука, О. П. Марекса, Г. Ф. Бржозовского, М. А. Савицкого, М. В. Данцига, И. М. Басова, Б. А. Заборова и В. А. Губарева под институциональным щитом Е. В. Аладовой — удерживала Белоруссию XX столетия от деструкции и падения в экзистенциальную пустоту небытия. Данные процессы репрезентируют триумф классической традиции, которая, будучи «заброшенной» в разрушенный ландшафт, аккумулировала внутренние интенции для удержания хайдеггеровского «экстазиса временности» перед лицом хаотического распада.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что феномен послевоенного белорусского Возрождения состоялся как радикальный акт онтологического сопротивления хаосу, осуществленный посредством импорта и укоренения строгих классических канонов. Деятельность приглашенных и эвакуированных мастеров превратила выжженный топос «заброшенности» в трансцендентальное пространство смыслопорождения, доказав, что сохранение субъектности культуры прямо детерминировано жесткой дисциплиной ее материальной и академической памяти.

Феноменология звука и пластики: дионисийский гул хоры и аполлоническая огранка формы

Земля больна. Ее изломы святы,
Они кричат о боли по ночам...
И мы пред этою землею виноваты,
Что прикоснулись к плачущим плечам.

Вениамин Блаженный

Если архитектурный камень и клиническая «забота» (*Sorge*) выстраивали внешние, пространственные и телесные границы белорусского Присутствия (*Dasein*), то внутри этого структурированного топоса развертывалась глубочайшая, латентная бездна. В белорусском культурно-историческом контексте XX века этой метафизической «хорой» стал колоссальный, аккумулированный веками субстрат человеческого страдания — травматический исторический опыт. Оглядываясь назад, необходимо открыто признать: ландшафт не взращивал профессиональные кадры обособленно от внешних условий, в культурном и экономическом вакууме. Сюда, волею геополитических катастроф, забрасывало людей невероятной духовной плотности. У этой интеллигенции, вытесненной из имперских и столичных центров, попросту не было иного выхода, кроме как укореняться в кровоточащей географической «хоре», созидая профессиональную культуру там, где все было выжжено дотла.

Этот тектонический сдвиг от стихийного гула к строгой академической форме инициировался через удержание устного наследия ландшафта. Композитор и этнограф Н. Н. Чуркин обратился к аутентичному первоисточнику. Осуществив фиксацию и систематизацию тысяч народных песен и инструментальных наигрышей, Чуркин придал этому дионисийскому, природному хаосу жесткую текстуальную, нотную плоть, переведя архаичный плач в симфоническую и камерную архитектонику. Николай Чуркин удержал живой звук от окончательного растворения во времени, доказав, что за устной традицией скрывается глубочайшая онтологическая правда.

Эстафету институционального оформления спасенного звукового субстрата принял композитор и педагог Н. И. Аладов, один из ключевых демиургов Белорусской государственной консерватории. Аладов подошел к задаче созидания национальной музыкальной школы с предельной аполлонической строгостью. Его деятельность наглядно репрезентирует тот фундаментальный тезис, который Э. Гуссерль обосновывал в своем позднем исследовании «Начало геометрии»: идеальные исторические объекты и культурные традиции способны удерживать свою устойчивость во времени и транслироваться сквозь смену поколений только тогда, когда они из мимолетных психических актов переходят в объективированную форму знаков, текстов и жестких институциональных структур [Гуссерль 1996: 210]. Н. И. Аладов буквально на послевоенном пепелище выстраивал эту высшую систему музыкального образования, превращая стихийную мелодику в монументальное здание академической традиции.

Параллельно концептуализации звука развертывался процесс укрощения и структурации иной стихийной материи — человеческого тела. Выдающаяся балерина и педагог Н. Ф. Млодзинская, обладательница жесткого профессионального стержня, уходившего корнями в традиции дореволюционного Мариинского театра и петербургской школы А. Я. Вагановой, вела последова-

тельную, беспощадную войну против социокультурной энтропии и исполнительской провинциальности. В балетных классах Минского хореографического училища она формировала исполнительскую психофизику и академическую строгость рисунка танца будущей примы белорусской сцены Л. Г. Бржозовской, превратив ее пластику в подлинное аполлоническое торжество формы над хаосом. Синхронно с этим вектором развертывалась педагогическая и творческая стратегия балерины и мастера хореографии Р. Л. Череховской. Ее строгая классическая школа предопределила профессиональное становление и раскрытие исполнительского таланта И. А. Душкевич. В терминах феноменологической антропологии эти наставники трансформировали случайное, эмпирическое тело в чистый инструмент духа; уроки выступали пространством трансляции телесной интенциональности от мастера к ученику. В этот же синергетический ряд укладывается подвижнический труд балетмейстера В. Н. Елизарьева, радикально обновившего язык отечественного балета, и основательницы ансамбля «Хорошки» В. И. Гаевой, осуществившей возвращение архаичного народного танцевального мелоса в строгие рамки академической сценической архитектоники.

Преемственность пианистических традиций и укоренение культуры академического исполнительства определялись деятельностью профессуры, прибывшей из столичных консерваторий СССР. Выдающийся педагог Г. И. Шершевский привнес в Минск лучшие достижения петербургской фортепианной школы. Именно в этом творческом пространстве формировалось виртуозное мастерство будущего профессора И. А. Губайдулиной (выпускница Казанской консерватории, аспирантура Московской консерватории), а также целой плеяды титанов фортепианной мысли: М. А. Бергера, В. В. Шацкого, И. А. Цветаевой, Л. П. Юшкевича, чьи руки передавали ученикам глубокое понимание клавирной архитектоники. Эта способность удерживать внутреннее онтологическое напряжение формы вопреки деструктивному давлению внешнего хронотопа являлась отличительной чертой тех интеллектуальных сил, идентичность которых восходила к наследию черты оседлости и европейского художественного авангарда. Репрезентативным примером здесь выступает творчество композитора Г. М. Вагнера, создавшего музыкальные партитуры, пронизанные глубочайшим, трагическим психологизмом.

С очерченным сакрально-смысловым контекстом неразрывно соотносится звуковой мышление С. А. Губайдулиной, эхом преемственности неизменно связавшей советскую периферию с высотой мирового музыкального авангарда. Сходный вектор бескомпромиссного мышления определяет симфонический космос Е. А. Глебова, полифонический гений которого разрывал плоские шаблоны. В этот же ряд встает и фундаментальный вклад композитора С. А. Кортеса: его оперы (в частности, «Визит дамы») и музыка к монументальным драматическим спектаклям стали предельным философским осмыслением трагического надлома человеческого духа.

Данный феномен созвучен онтологическим идеям М. Хайдеггера, развернутым в его зрелом сборнике трудов «Лесные тропы» (1950), где истинное произведение искусства рассматривается как событие прояснения и выведения Бытия из сокрытости (*Unverborgenheit / Aletheia*) вопреки давлению деструктивного и немого Ничто [Хайдеггер2002: 54]. Звуковые партитуры белорусских

композиторов являлись экзистенциальными «лесными тропами» [Хайдеггер 2002: 61] мысли на краю пропасти, пробивающими глухоту эпохи.

Музыкальное пространство Белоруссии XX века удерживалось и титаническими усилиями дирижеров мирового масштаба. Трагическая судьба выдающейся женщины-дирижера Т. М. Коломийцевой, бескомпромиссный симфонический жест В. В. Катаева, глубочайшая культура маэстро Г. П. Проваторова, а также монументальный дирижерский класс Ю. М. Ефимова, скрепили локальный контекст с вершинами мирового исполнительского искусства.

Важное место в развитии отечественного музыкального просвещения и педагогики занимают труды Н. И. Выграненко (выпускница Ленинградской консерватории). Ее историко-биографические исследования и учебно-методические пособия внесли весомый вклад в систематизацию знаний о классическом музыкальном наследии и методах обучения музыкантов. Кроме того, деятельность Выграненко стала поворотной вехой в формирование национальной органной школы, вернув белорусской культуре ее аутентичный сакральный инструмент. Как обосновывает Дж. Саллис в знаковой работе «Камень», подлинное воображение (*Phantasia*) неотрывно связано с метафизической тектоникой материального субстрата, мысль и образ нуждаются в физическом укоренении в чувственной материи органной трубы, архитектурного ордера и холста, преобразующих хтонический, до-структурный гул земли и боли в непреходящую, строгую ноту бытия [Sallis 1994: 102].

Вокально-сценический же Порядок этой земли собирался уникальными голосами и режиссерской волей. Фундамент оперной режиссуры кодифицировался строгим академическим мастерством А. В. Богатырева (опера в «Пущах Полесья»), выстраивавшего мизансцены как тектонические плиты смыслов. Обладая исключительным педагогическим даром, сопоставимым по своему масштабу с танеевским, А.В. Богатырев стал настоящим основоположником национальной композиторской школы, взрастившим целую плеяду выдающихся мастеров белорусского музыкального искусства. Этот каркас наполнялся великой вокальной традицией: опереточный блеск Н. В. Гайды, глубокий драматизм Т. Н. Нижниковой, С. Ф. Данилюк; трагический тенор З. И. Бабия, тенор Э. И. Пелагейченко, а также уникальная отечественная культура баса, монументальный фундамент которой заложили мэтры Я. Ф. Петров, М. А. Рысов. Этот же смысловой ряд продолжает феноменальное исполнительское наследие, международное признание М. А. Гулегиной, живое, прозвучавшее на весь мир антропологическое свидетельство мощи этой вокальной школы. Вслед за ней преемственность академической традиции поддержал яркий представитель уральской вокальной школы баритон В. Г. Петров, утвердивший новый эталон исполнительского мастерства и тембральной чистоты звучания.

Если стратегия Н. Н. Чуркина заключалась в академической фиксации и укрощении стихии, то принципиально иной эстетический вектор открывает деятельность В. Г. Мулявина во главе коллектива «Песняры». Перешагнув через рамки привычной этнографической стилизации, он подверг устную традицию мощной звуковой деконструкции. Мулявину удалось извлечь корневую фольклорную экспрессию из привычной акустической среды и перенести ее основания на язык концептуального прогрессивного рока. В его партитурах аутентичный попевочный код освобождается от музейной созерцательности, становясь динамическим импульсом вселенской полифонии XX века.

Однако в рамках «онтологии сиротства» весь этот колоссальный материк традиции отражает глубочайшую трагедию «выброшенности» системой и безжалостным историческим временем. Многие из этих титанов духа завершали свой земной путь в изоляции, забвении или под жестким давлением идеологической деформации, когда живое феноменологическое поле сознания насильственно утаптывалось в плоский прагматический формат. Смерть традиции и изгнание «духа музыки» из институциональных стен — это не просто исторический факт, а метафизическая ампутация слуха целой культуры. Ярким примером такой экзистенциальной капитуляции перед хаосом и коммерческой симуляцией стал крах Белорусского государственного академического музыкального театра (минской оперетты). Процесс деградации и замещения классической школы суррогатным шоу-бизнесом не был внезапным; о неизбежности этой катастрофы, уничтожающей репертуарный театр, вокальную культуру и академическую преемственность, еще в 2008 году пророчески и публично предупреждал мудрый солист театра В. М. Шабуня.

Оптимизация гуманитарных и музыкальных кафедр в пользу деперсонализированных суррогатов репрезентирует кризис утилитарного прагматизма, уничтожающего традицию преемственности. Лишая культуру фигуры Учителя, этот технократический редукционизм разрушает аполлонический каркас формы и аннулирует интенциональный слух общества, редуцируя живой опыт до механического шума и исторической отчужденности.

Философский фундамент излома. От живого хаоса к «сократическому глянцу» и тупикам «научных картин»

Если в звуковом пространстве и балетной пластике осуществлялось удержание ускользающего материального субстрата белорусской пространственной памяти, то в плоскости академических институций и университетских кафедр разворачивался латентный, но онтологически глубинный кризис. Данный упадок представлял собой рефлексивный процесс, в рамках которого спекулятивное мышление стремилось эксплицировать собственные трансцендентальные основания в условиях лиминальной ситуации.

Особое место в контексте сохранения национальной культурно-философской памяти занимает наследие уникальных, незаслуженно забытых поэтов-мыслителей Белоруссии. Это находит выражение в глубокой экзистенциальной лирике Вениамина Блаженного (Айзенштадта), получившей высокую оценку Б. Л. Пастернака, а также в творчестве Игоря Шкляревского, представляющем собой самобытный феномен метафизической поэзии.

Белорусский историко-философский дискурс второй половины XX столетия функционировал в условиях критического состояния. Из лакуны, образовавшейся после репрессий и ликвидации в 1930-е годы Института белорусской культуры (Инбелкульт), сквозь немоту послевоенной исторической заброшенности, актуализировалось динамическое поле интеллектуальной полемики. На данном этапе академическая философия в Минске временно преодолела рамки идеологического редукционизма и догматического конспектирования, трансформировавшись в подлинное бытийное событие.

Ядром этого интеллектуального восхождения и его центральной, глубоко амбивалентной фигурой стал В. С. Степин. Феномен «минской методологической школы», оставивший заметный след в отечественной философии, обязан своим рождением и теоретическим оформлением именно ему. Став ядром этого неоднозначного, но мощного интеллектуального движения, Вячеслав Семенович сплотил вокруг своих идей сообщество авторов, ориентированных на чистую теоретическую рефлексию. В локальном академическом пространстве сформировалась специфическая ментальная атмосфера, детерминированная убежденностью научного сообщества в том, что сквозь формализованный инструментарий философии науки возможно верифицировать подлинный гуссерлианский шаг трансцендентального сознания.

Интеллектуальный ракурс этой проблемы во многом предвосхищен опытом мышления Л. И. Шестова, показавшим, как любые теоретические построения остаются эвристически продуктивными только до тех пор, пока они сопряжены с экзистенциальным изломом конкретной биографии. Напротив, институциональное форматирование рефлексии, ее принудительное встраивание в рамки архивных кодов или академических регламентов лишает мышление ментального импульса, оборачиваясь сущностным вырождением [Шестов 1996: 141, 145]

Однако критический анализ эпистемологических оснований данного теоретического здания обнаруживает скрытый парадокс: устремленность к чистой рациональности разворачивалась в координатах «онтологии сиротства». Выстраивая грандиозную концептуальную модель «структуры научной картины мира» и генезиса типов рациональности, исследователь реализовал стратегию, соотносимую с тем феноменом, о котором пророчески предупреждал Фридрих Ницше в «Рождении трагедии из духа музыки» [Ницше 2012: 115]. Под маской «сократизма» он предпринял попытку рационализации и укрощения дионисийской, хтонической стихии познания, подчинив ее живой, нередуцируемый опыт стерильным методологическим рамкам и классификационным категориям. В рамках данной рационализаторской стратегии В.С. Степин с неизбежностью обратился к рецепции концептов Т. Куна и западной постпозитивистской традиции в целом [Степин 2021; Кун 1977]. Но академическая интерпретация этих идей осуществлялась сквозь призму парадигмы советского рационализма, что обусловило редукцию и смещение их базовых эпистемологических акцентов. Концепт куновской «парадигмы» интерпретировался в отрыве от изначального имплицитного содержания, как внерациональный, пограничный и психологический сдвиг внутри научного сообщества [Кун 1977: 140]. В. С. Степин стремился выявить строгую логическую детерминацию там, где Т. Кун фиксировал смену перцептивного гештальта, сопоставимую с религиозным обращением [Степин 2021: 51].

Следствием данной редукции стала выработка локальных концептов, обладавших иллюзией монолитности исключительно в границах изолированного и герметичного советского интеллектуального ландшафта. Попытки верификации и трансляции изощренной, тяжеловесной степинской терминологической системы в пространство современных западноевропейских языков обнаруживают концептуальное буксование мысли, европейский Логос демонстрирует отторжение данных синтаксических и семантических конструкций, обнажая их

локальное, искусственное происхождение. Речь идет о типе философствования, способном функционировать исключительно в искусственно поддерживаемом изолированном интеллектуальном климате. Критический анализ методологического наследия академика В.С. Степина не носит искусственного характера, поскольку глубоким разбором внутренней противоречивости его концепций на протяжении десятилетий системно занимался целый ряд ведущих российских ученых. Если профессор МГУ А. Ф. Грязнов в своих работах [Грязнов 1997] критиковал общую тенденцию конструирования искусственных «метафорических» языков в отечественной философии науки в целом, то исследователи новой волны, такие как А. Л. Никифоров (ИФ РАН) [Никифоров 2013], перешли к прямой критике автора концепции типов рациональности В. С. Степина. Вслед за ним содержательный разбор методологических и хронологических рамок этой теории продолжили в своих статьях иные ученые [Родин 2019; Федоров 2020].

В рамках экспертных дискуссий оппоненты последовательно указывали на уязвимость степинской трехчастной классификации типов научной рациональности, отмечая искусственное встраивание исторических фактов в абстрактные теоретические модели и чрезмерную перегруженность понятийного аппарата. Однако подлинный кризис и переход к фазе содержательного упрощения актуализировался в процессе дальнейшей догматизации и схоластизации степинского теоретического наследия в исследовательской практике. То, что было реализовано на поздних этапах развития школы, в контексте идей Л. Шестова можно охарактеризовать как переход к «морали обыденности» и догматическому начетничеству [Шестов 2004: 42]. Живые эпистемологические интуиции В. С. Степина подверглись институциональной рутинизации, будучи трансформированными в формализованный канон, выполняющий сугубо прагматическую функцию нормативного оформления диссертационных исследований.

Кафедра философии и методологии науки БГУ в позднесоветский и постсоветский периоды во многом испытала на себе последствия институционального давления, направленного на воспроизводство унифицированных методологических стандартов. Феномен преемственности, в своей аутентичной сути призванный фиксировать живую трансляцию исследовательского импульса, подчас редуцировался до уровня бюрократического регламента [Зеленков 2007: 170–178]. Творческий порыв основателя школы постепенно застывал в форме мемориальных репрезентаций на кафедральных стенах и компилятивных сборников статей, из которых элиминировался сам дух критического вопрошания. Аполлоническая форма, утратившая подлинное дионисийское основание живого познания, превращалась в сухой схоластический скелет, лишенный онтологического измерения [Ницше 2012: 52].

Данный деструктивный процесс разворачивался на фоне глубоких структурных трансформаций в академической среде. Параллельно методологическим поискам в белорусском гуманитарном пространстве и ранее утверждалась модель академического управления, с советскими тенденциями административной централизации и жесткого идеологического контроля. В рамках этой сциентистской стратегии подлинный теоретический поиск нередко замещался требованиями нормативной лояльности и формальными процедурами. Этот

институциональный контекст способствовал постепенному сужению пространства для автономии мышления, результатом чего стал вынужденный исход интеллектуальных лидеров. Симптоматичным следствием данного кризиса (и фактором «онтологии сиротства») стал отъезд В. С. Степина из минского академического пространства, что подробно описано в циклах статей [Лебедев 2005], а также последующий переезд крупнейшего специалиста в области истории психоанализа В. И. Овчаренко, фундаментальные исследования которого заложили основы отечественного анализа бессознательного [Овчаренко 1999].

Наиболее критический сюжет данной трансформации обнаруживается в том, с какой институциональной пластичностью академическая среда, лишенная аутентичных теоретических ориентиров и преемственности, адаптировалась к внешним идеологическим конструктам. В концептуальную лакуну, образовавшуюся после реорганизации классических философских кафедр, проникли внешние, недостаточно рефлексируемые течения. В частности, значительная часть академического сообщества, ранее декларировавшая приверженность научному материализму и степинскому рационализму, включилась в процесс легитимации и популяризации идей неосуфийского религиозно-политического движения Фетхуллаха Гюлена (Хизмет)[1] [Бабосов 2014; Лаптенок 2012; Винокурова 2012]. Институции, призванные концептуализировать границы национального Dasein и верифицировать ценности «жизненного мира», перешли к тиражированию апологетических монографий и проведению двусмысленных симпозиумов в рамках проектов структуры, автономной от исторического опыта белорусского ландшафта. Этот феномен зафиксировал глубокий кризис интенциональности: академический разум утратил способность артикулировать собственную внутреннюю логику развития. Данная герменевтическая произвольность и амбивалентность оценок в восприятии чужеродных доктрин белорусской академической средой подробно исследованы в статье [Мацевич 2023].

Когда Л. Шестов отмечал, что «...для человека покой и уверенность дороже и нужнее всего на свете, дороже даже самой истины...» [Шестов 1993: 360], он концептуализировал феномен психологического ухода от академического риска в пространство интеллектуального комфорта. Мысль, лишенная укорененности и отказавшаяся от долгого текстологического ученичества, неизбежно трансформируется в конъюнктурный товар или институциональную ширму. В данном контексте современные структурные реорганизации Института философии выступают следствием длительного процесса девальвации спекулятивного знания, при котором живой поиск истины постепенно замещался формализованными процедурами отчетности и трансляцией симулятивных концептов. Кризис «минской методологической школы» показывают, что, если философия не рождается из боли собственного бытия, она не стоит даже того кирпича, из которого были сложены сносимые ныне стены.

И события 1980-х годов на философском отделении БГУ (тогда еще действовавшем в структуре исторического факультета) транспонируются сквозь годы не просто как локальный идеологический скандал позднесоветской эпохи, но подлинный метафизический надлом, в розановской терминологии знаменовавший наступление «Апокалипсиса нашего времени» в миниатюре. Исто-

[1] Организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

рическая хроника того периода, зафиксированная в воспоминаниях очевидцев, небольшой самиздатовской брошюре под названием «Памяти Олега Малащука», разворачивается вокруг сурового противостояния живого человеческого духа и мертвящей, окостеневшей казенщины. Произошедшее дальше идеально укладывается в розановский диагноз, когда привычный мир, среда, казавшаяся незыблемой, внезапно «слиняла в два дня. Самое большее — в три...», обнажив под собой ледяную бездну [Розанов 1990: 391]. Философская ойкумена, призванная быть храмом мысли и Логоса, обернулась тем, что Василий Васильевич называл «пауками в банке» [Розанов 1990: 240], зоной душного, подковерного бюрократического копошения, где живое «я» приносилось в жертву абстрактному догмату. В розановских терминах, это было «пожирание саранчой» последних остатков интеллектуальной чести. Среда философского отделения породила вокруг О. Малащука, В. Золотаря те самые «колоссальные пустоты от былого <...>; и в эти пустоты проваливается все <...>» [Розанов 1990: 391], где человек, лишенный ментальной почвы и преемственности традиции, оставался один на один с анонимным шумом «эпохи Застоя».

Протест студентов философского отделения БГУ в 1981 году против мертвящей догматики и последовавшая за ним административная вивисекция обнажили фундаментальное «онтологическое сиротство» мыслящей личности внутри казенной структуры. Публичный суицид Олега Малащука в июле 1984 года, совершенный в пустеющем пространстве главного корпуса, и параллельное экзистенциальное вытеснение Валерия Золотаря на периферию академической жизни, представляют собой единый метафизический узел.

Текущие процессы в высшей школе и академической среде демонстрируют преемственность с трансформациями прошлых десятилетий, высвечивая ряд дискуссионных вопросов в воспроизводстве научно-образовательных традиций. Институциональные изменения, нередко обусловленные факторами экономической эффективности и оптимизации, могут приводить к модификаци привычных механизмов автономии исследовательских коллективов. В контексте философского осмысления кризиса культуры эти тенденции иногда связывают с реструктуризацией университетской среды. Усиление административного компонента и стандартизация коммуникаций могут создавать риски для развития классической академической дискуссии, замещая ее формализованными информационными обменами. Снижение доли институциональной поддержки философских направлений актуализирует вопрос о сохранении непрерывности гуманитарных традиций. В данных условиях феномен «онтологического сиротства», ранее рассматривавшийся как исключительный случай в биографии мыслителя, сегодня анализируется исследователями как одна из черт академического ландшафта. Высокая степень бюрократизации и регламентации научной деятельности ставит перед сообществом задачу преодоления рисков формализации знания, когда внешняя отчетность и стандартизированные публичные мероприятия могут преобладать над глубоким теоретическим поиском.

Реорганизация фундаментальных подразделений (в частности, кафедры истории философии) заложила новые основы функционирования факультета, который впоследствии адаптировался к современным требованиям централизованного администрирования и нормативного регулирования. Сегодня в

институциональной среде ФФСН БГУ возрастает роль междисциплинарного разнообразия, методических задач и стандартизированных процедур отчетности, что меняет условия для классического онтологического поиска. Эта административная эволюция подчеркивает поколенческий и системный контраст с глубоким, зачастую сложным опытом исследователей прошлых десятилетий, включая таких знаковых фигур, как О. Малащук и В. Золотарь, интеллектуальные биографии которых формировались в драматическую эпоху академического становления школы.

Выход на рубеже 1990-х и 2000-х годов масштабных энциклопедических проектов под редакцией А. А. Грицанова (начиная с «Новейшего философского словаря») актуализировал в профессиональном сообществе стран СНГ острую дискуссию о границах академического канона и стандартах научной этики. Следствием этого процесса стала серия критических публикаций в специализированной периодике, включая журналы «Вопросы философии», «Логос» [Кемеров 2002; Артамонова 2004]. У истоков этой критики стояли ведущие специалисты той эпохи, которые аргументированно указывали на риски профанации знания при переходе от оригинальных текстологических исследований к массовому компилятивному реферированию чужих русскоязычных монографий без должной атрибуции источников. Позднее, во второй половине 2000-х годов, эта критическая линия была продолжена в публикациях исследователей следующего поколения [Джохадзе 2008], зафиксировавших системный характер неавторизованных заимствований в разросшихся многотомных изданиях проекта.

Нарастание экспертного недовольства повлекло за собой жесткие институциональные и административные последствия со стороны регулирующих ведомств. Экспертные советы УМО и профильные структуры Министерств образования фактически исключили данные словари из перечня нормативной и рекомендованной литературы. Издания под редакцией А. А. Грицанова были лишены официальных министерских грифов допуска, что сделало невозможным их легитимное включение в учебные программы вузов и списки литературы для подготовки аспирантов. Параллельно с этим по линии ВАК и диссертационных советов сформировался негласный, но строгий цензовый запрет на цитирование этих компендиумов в рамках квалификационных научных работ. Использование данных справочников в диссертационных исследованиях стало трактоваться экспертами как маркер методологической несамостоятельности соискателя, что временно вытеснило проекты группы на периферию академического поля.

Характерной стратегией защиты со стороны составителей словарей и их ближайших соавторов стала концептуальная легитимация используемого метода через призму постмодернистского дискурса. Обвинения в текстовой несамостоятельности и терминологической избыточности они пытались интерпретировать как сознательный «интертекстуальный коллаж» и «свободную игру знаков», апеллируя к концептам «смерти автора» и центонности. Тем самым предпринималась попытка представить компилятивный метод в качестве передового художественно-философского инструмента. Теоретические предпосылки подобных деформаций языка проанализированы Н. С. Автономовой. В своих трудах исследователь отмечает, что механическая рецепция и догмати-

зация живых западных метафор неизбежно ведут к методологической небрежности и конструированию псевдопонятий [Автономова 2008: 428–434].

Дальнейшая интеграция этих материалов в современное научно-образовательное пространство обусловлена развитием цифровых систем верификации, механизмами академической интеграции и естественной сменой поколений в исследовательской среде. Переиздание источников, восходящих к компендиумам конца 1990-х годов, технически легализуется современными алгоритмами проверки на уникальность: цифровые базы данных верифицируют повторное использование текста как авторское самоцитирование, закрепляя за ранними словарями статус первоисточников. Острота прежних дискуссий снизилась в силу объективных хронологических факторов, смещения фокуса научных дискуссий, ухода из жизни целого ряда ключевых критиков проекта. В результате сдвиг акцентов с текстологических споров на решение текущих дидактических задач позволил данным текстам занять устойчивое нормативное место в структуре современного гуманитарного образования.

Институциональному примирению сторон способствовала стратегия «научной дипломатии», реализованная руководителями проекта, которые кодифицировали концепцию постнеклассической науки академика В. С. Степина в канонический историко-философский контекст наряду с классическими зарубежными системами. Общность академической географии, личные связи Степина с белорусской школой и насущная необходимость интеграции образовательных стандартов, привели к прекращению открытой полемики. В результате трансграничные этико-правовые лакуны и приоритет дидактических задач над некогда острыми текстологическими спорами позволили компилятивным по своему генезису текстам приобрести статус официального и нормативного компонента современного гуманитарного образования.

В начале 2024 года в рамках экспертного обсуждения образовательной политики прозвучала жесткая критика в адрес методологии академических изданий по гуманитарным направлениям от Президента РБ. Особое внимание было обращено на кризис изложения в современной учебной литературе, в частности по философии. Отмечалось, что академические тексты перегружены схоластическими формулировками и искусственно усложнены, что препятствует формированию у студентов системного мышления. В противовес этой тенденции, в качестве эталона логичности, доступности и дидактической ясности приводились классические традиции структурирования материала, характерные для учебных пособий ушедшей эпохи [Лукашенко 2024].

Для экспликации этих трансформационных процессов продуктивен категориальный аппарат Джорджо Агамбена, в частности его концепция «профанации» как политико-теологического акта [Агамбен 2014: 78]. В отличие от секуляризации, сохраняющей властную структуру через перенос ее в мирской регистр, агамбеновская профанация деактивирует сакральный аппарат, изымая институт из его изначальной суверенной сферы и переведя его в режим утилитарного использования, автономизированного от прежнего смыслового ядра [Агамбен 2014: 79–80].

Современный философский факультет как классический академический институт, традиционно мыслимый в качестве пространства производства фундаментального знания, сталкивается сегодня именно с подобными профани-

рующими тенденциями. Университетские структуры нередко превращаются в пространство «чистых средств», где академические процедуры оказываются дистанцированы от своей исходной онтологической цели [Агамбен 2014: 88]. Административные ритуалы в данном контексте начинают напоминать агамбеновскую «игру», но лишенную своего освобождающего потенциала и функционирующую в рамках формализованных бюрократических алгоритмов [Агамбен 2014: 94–95].

В известной степени институциональная жизнь академических сообществ начинает демонстрировать специфическое торжество «голой жизни» в культуре, когда интеллектуальная деятельность автономизируется от своего онтологического измерения (*bios*), замыкаясь на задачах прагматического самовоспроизводства и выживания (*zoe*) [Агамбен 2011: 7–9]. Высшая школа начинает функционировать по логике исключения-включения (*exceptio*), при которой подлинно философское дискурсивное поле выносится за рамки жесткой административной структуры, но удерживается внутри нее в качестве символической декорации [Агамбен 2011: 27–29].

Трансформация традиции и деактуализация дискурса

Философский дискурс сохраняет свою онтологическую субъектность исключительно до тех пор, пока функционирует его категориальный аппарат, концептуально плотный, выверенный веками живой интерсубъективной преемственности. Однако в современных условиях академической трансформации на постсоветском пространстве фиксируется не просто изменение институциональных связей, но глубинная структурная перестройка историко-философской традиции. Научная школа сталкивается с вызовами преемственности и риском утраты аутентичных методологических оснований. Развернувшийся тектонический разрыв структуры во многом детерминирован вынужденной социокультурной и академической миграцией, в результате которой научно-образовательное пространство покинул ряд ключевых интеллектуальных сил, удерживавших ценностную и теоретическую вертикаль гуманитарного ландшафта.

Институциональным выражением этих процессов стали масштабные структурно-штатные трансформации университетской среды, выразившиеся в оптимизации штатных единиц и изменении кадровой экосистемы, что привело к существенному ослаблению направлений, связанных с изучением античной мысли, эпохи Возрождения, философии Средних веков, немецкой классической философии. Данные преобразования сопровождались естественной сменой поколений и академической миграцией ряда исследователей, ориентированных на сохранение автономии профессионального поиска.

Кризис преемственности обозначился еще в 1990-е годы после вынужденного оставления кафедры отечественного эстета, профессора Н. И. Крюковского, автора масштабных теоретических изысканий, опередивших свое время и требовавших долгосрочной институциональной поддержки. Последующая реорганизация профильных подразделений, включая трансформацию кафедры этики и эстетики, существенно ограничила возможности воспроизводства академических кадров. Скоропостижный уход из жизни профессора Н. В. Рожина в 1993 году, стоявшего у истоков уникальных исследований в области теории

познания и аналитической философии, фактически приостановил институциональное развитие этих глубоких научных направлений, открыв путь для их деактуализации и фрагментации. В этот же переломный период обозначилась невостребованность традиций материалистической гносеологии: вуз была вынуждена покинуть выпускница философского факультета МГУ профессор Е. В. Петушкова, развивавшая фундаментальную концепцию опережающего отражения академика П. К. Анохина. Вытеснение подобных знаковых фигур из университетской среды открыло путь для деактуализации и фрагментации глубоких теоретических школ, десятилетиями формировавших интеллектуальный ландшафт БГУ.

Методологический дефицит затронул и религиоведение. В сложившихся координатах академического прагматизма преемственность философской культуры сохраняется преимущественно в локальных исследовательских сообществах, в частности, благодаря теоретическим усилиям логической школы доцента С. В. Воробьевой. Однако подобные изолированные интеллектуальные инициативы лишь подчеркивают общую тенденцию к сокрытию фундаментальных онтологических оснований знания в пространстве современных утилитарных образовательных моделей.

На рубеже 1990-х и в начале 2000-х годов мощный импульс развитию философии в Минске дали приехавшие сюда работать томские ученые Е. В. Борисов, И. Н. Инишев. Привнеся с собой сильную исследовательскую культуру томской феноменологической школы, они сыграли ключевую роль в обновлении местного интеллектуального ландшафта. Научный вклад Евгения Борисова был связан с развитием онтологии, феноменологии и философии языка; он ориентировал исследователей на восприятие сложных философских текстов как строгих логических структур. Илья Инишев сместил фокус академического внимания с классической текстологии на теорию образа, пространства и визуального восприятия, заложив основы для изучения того, как меняется человеческий опыт в современную эпоху. Благодаря их работе местное сообщество получило глубокое знакомство с актуальными направлениями современной западной философии.

Классическое, строгое служение тексту сегодня уступает место процессам академической универсализации. Современные институциональные условия побуждают преподавателей отходить от узкой специализации в пользу интегрального охвата историко-философских эпох. Ранее для преподавания отдельных вех мысли требовались обособленные специалисты узкого профиля, однако текущие процессы оптимизации в высшей школе формируют запрос на преподавателя-универсала. Способность вести студента через различные исторические эпохи — от средневековой теологии до классической диалектики — в рамках единых курсов становится утилитарным ответом на современные образовательные вызовы. Это превращается в попытку сохранить целостное видение гуманитарного знания вопреки административным ограничениям. В то же время в экспертных обсуждениях фиксируются риски, связанные с подготовкой учебных материалов по направлениям, выходящим за рамки основного профиля исследователей. В особенности, как отмечается в научно-критическом обзоре [Валейтенок 2026], это касается учебных курсов по восточной философии, где компилятивный характер пособий порой опережает глубокую

научно-теоретическую рефлексию. Ощутимым вызовом для академической среды остается и необходимость развития исследовательских компетенций в области новейшей аналитической и континентальной мысли, без которых научно-образовательное пространство рискует утратить статус центра генерации актуальных смыслов, приобретая характер преимущественно просветительского лектория.

Эмпирическим примером подобных методологических дискуссий служит контент официальных медиаресурсов профильных академических институтов. В качестве иллюстрации актуальных тенденций в области историко-философских исследований можно рассмотреть недавний публичный доклад, посвященный специфике средневекового типа теоретизирования. Предложенный в рамках подобных академических мероприятий обобщенный концептуальный каркас зачастую демонстрирует ряд упрощений в отношении средневековой культуры, а также дискуссионные неточности при атрибуции первоисточников (в частности, наследия М. Хайдеггера) и спорные суждения в адрес представителей естественных наук. Само использование понятия «теоретизирование» в названии подобных выступлений актуализирует важный методологический вопрос, на который обращают внимание современные медиевисты: применимость данного термина в его нынешнем осмыслении к интеллектуальной культуре Средних веков остается глубоко дискуссионной. Кроме того, выведение специфики средневекового мышления преимущественно из латинской патристики и западноевропейской схоластики оставляет открытым вопрос об интеграции в данный нарратив богатейшего пласта арабо-мусульманской философии (включая наследие Ибн Сины и Ибн Рушд), рецепция трудов которых оказала фундаментальное влияние на освоение позднего Аристотеля в Западной Европе и формирование схоластических традиций.

В то же время в Республике Беларусь сформировано сильное экспертное сообщество в области современной философии. Кадровый потенциал отечественной гуманитарной науки позволяет осуществлять квалифицированное преподавание и ведение глубоких исследований по ключевым направлениям мысли XX века силами признанных специалистов. В их числе направления философской герменевтики (д-р филос. наук Х. С. Гафаров), экзистенциализма (д-р филос. наук Т. М. Тузова, доцент С. Н. Мизякина), феноменологии (д-р филос. наук Т. М. Тузова, доценты С. В. Воробьева, Н. С. Семенов), а также прагматизма и критического реализма (доцент Е. О. Попельская), компаративистики и аналитической философии (доцент А. В. Филиппович).

Данный процесс находит точное теоретическое объяснение в концепции В. Беньямина, развернутой в его классическом исследовании «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости». По аналогии с концепцией В. Беньямина, исследовавшего феномен утраты «ауры» произведения искусства в эпоху его технического тиражирования [Беньямин 1996: 19–20], современные процессы академической унификации также ведут к своеобразному отчуждению знания.

Применительно к образовательной сфере это означает, что стандартизация учебных материалов и их массовое тиражирование могут приводить к снижению аутентичности философской традиции. Означенный вызов утилитарного прагматизма фиксирует М. Хайдеггер в своем зрелом эссе «Вопрос о

технике», вводя концепт «Постава» (*Gestell*). Постав как доминанта технократической эпохи рассматривает все сущее, включая академическую рефлексию, сквозь призму исчисляемых ресурсов (*Bestand*) [Хайдеггер 1993: 221, 225], подлежащих планированию на основе критериев формальной эффективности. Подобные тенденции в администрировании меняют изначальные классические функции академической среды.

Глухота духа блокирует способность к восприятию как бытийных кризисов, так и сложной полифонии теодрамы Х. У. фон Бальтазара, в координатах которой эстетические и теологические категории переплетены в трагическом напряжении Голгофы [Бальтазар 1997: 45]. Пространство, переживающее кризис преемственности и метафизический надлом, формирует тип деперсонализированного функционера, неспособного к восприятию хтонического гула земли и безмолвного зова хайдеггеровского *Dasein* [Хайдеггер 1993: 135]. В этих координатах отчуждения разворачивается то, что Дж. Саллис концептуализирует как тотальное разрушение экологии материального воображения и чувственных механизмов удержания истины [Sallis 2000: 118]. Профессиональный язык гуманитарных кафедр больше не осуществляет хайдеггеровский прорыв к Бытию и времени (*Sein und Zeit*), он утрачивает статус «дома Бытия» (*das Haus des Seins*) и редуцируется до конгломерата пустых семантических знаков. В терминах философской концепции Ю. Тишнера, развертывается кризис «пространства встречи» (*przestrzeń spotkania*). Академический Другой (*Inny*) перестает выступать этическим триггером для исследователя, а диалогические практики замещаются монологическим самолюбованием субъекта [Тишнер 2001: 88]. Вместо антропологической драмы, разворачивающейся на границе этического выбора, институты продуцируют «иллюзорное бытие» (*byt iluzoryczny*), симулирующее подлинный страх перед лицом Истории [Тишнер 2001: 114]. Происходит профанация бальтазаровского концепта формы (*Gestalt*), той целостной, манифестирующей себя сверхприродной структуры, которая требует от мыслящего субъекта не рационалистического препарирования, а экстатической вовлеченности и экзистенциальной верности [Бальтазар 1997: 112].

Описанные изменения теоретического поля оказывают влияние и на процессы воспроизводства высших научно-педагогических кадров. Экспертное сообщество фиксирует определенные вызовы в системе аттестации соискателей ученых степеней. В условиях дефицита специалистов высшей научной квалификации институциональная система сталкивается с необходимостью интенсификации подготовки исследователей. Это порой актуализирует дискуссию о качестве квалификационных работ. В ряде случаев отмечается тенденция к преобладанию дескриптивных и реферативных подходов в диссертационных исследованиях. Проблема дефицита прорывных концептуальных подходов и методологической самостоятельности в современных текстах ставит перед академическим сообществом задачу качественного переосмысления критериев оценки научного ценза.

Современные тенденции в сфере высшей аттестации научно-педагогических кадров дополнительно актуализируют проблему сохранения классических критериев качества экспертной оценки диссертационных исследований. В области истории философии одним из ключевых маркеров профессионального ценза традиционно выступает требование обязательного владения язы-

ком оригинала исследуемых авторов. Отход от этого стандарта в процессе подготовки и защиты квалификационных работ создает риски междисциплинарного смещения, когда глубокий текстологический анализ замещается прикладными, психологизированными или дескриптивными подходами. Работа исключительно с переводными источниками усложняет верификацию концептуальных положений, что может приводить к методологическим смещениям и упрощению оригинальных идей. В связи с этим перед институтами академической аттестации стоит задача усиления критериев филологической и герменевтической подготовки соискателей. Интеграция сторонних подходов без опоры на первоисточники порой приводит к серьезным концептуальным сдвигам и размыванию классических стандартов историко-философской экспертизы в процессе защит.

В качестве примера методологических дискуссий в этой области можно указать на существующие в литературе интерпретации проблемы «постметафизического прорыва» Ф. Ницше (в частности, в статье «Преодоление метафизики в философии Ф. Ницше» Т. Г. Румянцевой). Трактовка воли к власти как успешного преодоления метафизического горизонта сталкивается с серьезными текстологическими контраргументами при сопоставлении с хайдеггеровской рецепцией. Хайдеггер никогда не вводил и не использовал термин «ницшеанский прорыв» как позитивное описание исторического поворота Ницше. Как известно, М. Хайдеггер в своих фундаментальных лекциях утверждал прямо противоположное: «перевернутый платонизм» Ницше, провозгласивший чувственный мир истинным, принципиально остается в рамках метафизической парадигмы. С этой точки зрения, Ницше выступает не как разрушитель метафизики, а как «последним метафизик Запада», зафиксировавший ее финал. Данная дискуссия наглядно показывает, что отход от строгой филологической и текстологической работы на высших ступенях академической аттестации рискует редуцировать оригинальную, экзистенциально насыщенную мысль до уровня упрощенных и регламентированных концептуальных схем.

В актуальной исследовательской практике нередко фиксируется уход от кропотливой историко-герменевтической и текстологической работы в сторону спекулятивных макрофилософских построений. Как автором отмечалось ранее [Мацевич 2026: 105–106], в ряде современных локальных исследований, например, при обращении к концептам лингвистической онтологии и «русского мессианизма», строгая понятийная дисциплина уступает место публицистическому пафосу. Подобная интеграция метанарративов об «исторической миссии России», не подкрепленная методологической экспликацией, порой выступает способом нивелирования сложных социокультурных изломов реальной истории. Л. Шестов верифицировал бы в такой исследовательской стратегии стремление укрыться от экзистенциальной трагедии за ширмой универсального идеализма [Шестов 1993: 314–315]. Если классическая традиция в лице И. Канта и Г. Гегеля требовала от субъекта предельной ментальной дисциплины и категориальной строгости, то в современных локальных интерпретационных моделях она зачастую подвергается концептуальному упрощению и формальной дескрипции, а, также эклектичному, компилятивному урезанию контекста.

Параллельно в высшей школе наблюдаются структурные сдвиги, влияющие на характер междисциплинарного диалога. В отличие от предшествующих

академических периодов, когда на философских отделениях практиковалось широкое привлечение специалистов естественнонаучного профиля (высшей математики, теоретической физики, биологии) для обеспечения строгости научного мышления, современные институциональные условия демонстрируют тенденцию к автономизации гуманитарных кафедр. Ослабление прямых связей с живым естествознанием усугубляется снижением интенсивности внешней академической мобильности, включая практику приглашения независимых зарубежных исследователей. Возникающая в результате герметичность среды создает определенные риски для развития гибких междисциплинарных курсов и усложняет интеграцию локального научно-образовательного ландшафта в глобальный интеллектуальный контекст.

Философская концепция Ю. Тишнера связывает указанные трансформации с феноменом «разорванного человека», при котором субъект стремится избежать экзистенциального выбора через адаптацию к жестким идеологическим и доктринальным рамкам [Тишнер 2005: 88]. Развивая эту линию мысли через призму идей Дж. Саллиса, можно отметить, что забвение специфики локального ландшафта ведет к утрате пространственно-онтологических оснований мысли [Sallis 2000: 62]. Разотождествление разума с его институциональной и культурной почвой (*chora*) переводит академическую рефлексию в плоскость абстрактных, изолированных от реальности симулякров [Sallis 2000: 65]. На институциональном уровне эти процессы манифестируют себя в виде кадровых вызовов, затрудняющих воспроизводство высшего академического ценза. Сокращение численности исследователей с докторскими степенями сужает возможности для формирования экспертных комиссий и официального оппонирования. Динамика реорганизации специализированных советов по защите диссертаций в данных условиях отражает общую тенденцию к оптимизации научно-аттестационной системы, что требует от академического сообщества концентрации усилий на восстановлении независимых экспертных инстанций и поддержании уровня теоретической полемики.

В рамках парадигмы «онтологического сиротства» данные трансформации обнаруживают выраженную институционально-управленческую детерминанту. Если в предшествующие периоды во главе университетских кафедр, исследовательских центров и академических институтов традиционно стояли крупные, состоявшиеся ученые, способные созидать классические научные школы и задавать фундаментальную планку теоретизирования, то современная ситуация фиксирует смену управленческих парадигм в высшей школе. Актуальная модель менеджмента тяготеет к замещению классического академического лидерства технократическим или финансовым администрированием. Деятельность академических менеджеров нового типа ориентирована преимущественно на выполнение нормативных и формально-отчетных показателей, что порой вступает в противоречие с внутренней архитектоникой и спецификой когнитивных процессов, исторически развивавшихся в университетских стенах. Подобное замещение классической фигуры Мыслителя административно-ориентированным управлением знаменует собой институциональное вытеснение «духа музыки» и Логоса из университетского пространства.

В данном контексте репрезентативным материалом для анализа гносеологической специфики современной историко-философской периодики вы-

ступает публикационная активность в профильном издании «Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология» выступает гносеологическим отражением происходящих институциональных изменений. В частности, в публикациях профессора А. В. Рубанова, посвященных историко-философской проблематике, например, в статье «Мудрость книги “Наедине с собой. Размышления” Марка Аврелия» [Рубанов 2026], наглядно репрезентируется устоявшийся нормативно-описательный канон академического дискурса. Вместо расширения пространства спекулятивной дискуссии текстовая ткань тяготеет к строго структурированному, академически формализованному анализу, что иллюстрирует общую тенденцию развития объективирующих «картин мира». При таком подходе исследуемая реальность подвергается детальной системной каталогизации, где чисто онтологические основания уступают место дескриптивно-текстологическим характеристикам. Здесь прослеживается методологическое противоречие с принципом бальтазаровской «космической литургии», в рамках которой мир и бытие осмыслялись как живая вселенская доксология и непрекращающееся созерцание, а не как статичный объект для формально-теоретического описания [Balthasar 1941: 112].

В актуальном гуманитарном пространстве классические механизмы удержания истины через человеческий экзистенциальный опыт и архитектонику строгой теоретической формы сталкиваются с серьезными институциональными вызовами. Современное состояние образовательной среды фиксирует определенные риски разрыва непрерывной исторической трансляции классического академического опыта. Смещение акцентов в управленческих практиках и стандартизация процедур контроля могут приводить к тому, что формализованные, унифицированные модели знания частично замещают собой традиционные суверенные школы. Подобная концептуальная автономизация и ослабление онтологического вопрошания означают сужение живого «спекулятивного» пространства, где формализация исследовательских практик ставит перед академическим сообществом задачу преодоления рисков эпистемологической рутинизации и сохранения устойчивости локального научно-философского ландшафта.

Академический Логос в тисках Постава

Лишь шорох листьев в пустоте,
Да след, подернутый прохладой...
Мы ищем смысл на той черте,
Где ничего искать не надо.

Игорь Шкляревский

Согласно официальному решению руководства НАН Беларуси, структура академического философского знания в республике претерпевает радикальную трансформацию, фактически означающую прекращение автономного существования Института философии в его прежнем статусе. Реорганизация предполагает двукратное сокращение кадрового состава и слияние учреждения с ранее самостоятельными институтами социологического и политологического профилей в рамках единого укрупненного научно-исследовательского центра гуманитарной направленности. Таким образом, де-юре фиксируется институциональное переформатирование, а не тотальная ликвидация подразделения.

Данное административное решение академического руководства не носило импульсивного характера и, как показывает объективный анализ, было лишено узко идеологической или конъюнктурной подоплеки, включая мотивы субъективного межличностного или номенклатурного противостояния. Рассмотрение указанных событий вне плоскости банальной борьбы за административные ресурсы позволяет предложить научно-философскому сообществу новосибирского Академгородка концептуальную рефлексию произошедшего прецедента.

Ключевой тезис дальнейшего исследования сводится к положению о закономерности и исторической неизбежности подобного институционального кризиса в ситуации, когда академическая структура, позиционирующая себя в качестве философского сообщества, содержательно элиминирует базовые основания своей предметной области. Речь идет об утрате приоритета *Philosophia Prima*, онтологии, метафизики, фундаментальной истории мировой мысли и ее глубинных мировоззренческих констант. Академический кризис эксплицируется как следствие отказа от понимания философии в ее классическом измерении в качестве «метамировоззренческой» теории (в терминологии В. П. Горана), что закономерно влечет за собой утрату предметной идентичности и последующее поглощение Логоса утилитарными структурами «Постава».

На совещании по реформированию науки забота Главы государства об Институте философии НАН Беларуси приобрела характер жесткого программного требования — стране сегодня остро необходим мощный идеологический фундамент, глубинная суть и живые ценности. А. Г. Лукашенко ждет от академического сообщества создания суверенной системы смыслов для защиты независимости государства. Однако в реальности вместо монолитной мировоззренческой базы часто наблюдаются лишь поверхностные компиляции, разрозненная эклектика и сиюминутные, мелкие прикладные результаты. Переводя финансирование на жесткий принцип «платы за результат», президент стремится не просто упорядочить бюджет, а заставить ученых преодолеть этот кризис смыслов. Только масштабный интеллектуальный продукт, способный через вузы увлечь и объединить молодежь, может стать подлинным концептуальным щитом Беларуси в эпоху глобальной турбулентности [Лукашенко 2026].

Анализ трансформационных процессов, развернувшихся в Институте философии НАН Беларуси в рассматриваемый период, указывает на то, что внешняя административная реорганизация во многом была обусловлена глубокими внутренними вызовами, развивавшимися на фоне доминирования формальных наукометрических показателей. Ключевым детерминирующим фактором изменения устойчивости академической структуры стало усложнение механизмов воспроизводства интеллектуального капитала. Естественная смена поколений и уход из жизни ведущих представителей старшего поколения ученых, выступавших авторитетными носителями национальной философской традиции, обнажили проблему институциональной преемственности. Традиция как механизм трансляции мировоззренческих смыслов столкнулась с рисками прерывания, слома, поскольку научные кадры нового поколения, обладавшие потенциалом к продолжению фундаментальных исследований, не всегда находили возможности для своевременной институциональной легитимации и интеграции в процессы принятия стратегических решений.

Наряду с этим, изменения векторов административно-научной активности проявляются в процессах диверсификации фундаментальных исследовательских программ и развитии новых форм популяризации гуманитарного знания. Заметным выражением данной тенденции в академической среде становится расширение исследовательского и дидактического фокуса в плоскость анализа феноменов современной массовой культуры (в частности, в рамках разработки лекционных курсов по визуальной культуре и медиаиндустрии), внедряемых в практику повышения квалификации специалистов высшей школы [Дудчик 2025]. Подобное обращение академических институций к сфере репрезентации массовой визуальной культуры, развивающееся параллельно с традиционными текстологическими программами, иллюстрирует общую глобальную тенденцию к медиатизации и прагматизации гуманитарного контента.

Следствием данных управленческих трансформаций выступает заметный сдвиг в проблемном поле академических центров. В современный период классическое философское знание активно «дополняется» прикладными междисциплинарными направлениями, ориентированными на актуальные технологические тренды: биоэтикой, философией искусственного интеллекта и кибернетикой. Смещение исследовательского фокуса в сторону интеграции в проблематику белорусско-китайских инновационных кластеров или этической экспертизы современных медицинских технологий (трансплантология, донорства, биомедицинские эксперименты) выступает стратегическим ответом на запросы времени. Однако форсированное освоение данных направлений исследовательскими коллективами во многом определяется прагматической логикой институциональной адаптации. Академическая среда стремится легитимизировать свой статус в системе государственного планирования путем демонстрации прикладных результатов, легко верифицируемых в рамках современных наукометрических и отчетных критериев эффективности.

Для объективной оценки эффективности данных программ необходимо проанализировать степень их интеграции в практику смежных дисциплин. Верификация интердисциплинарных связей академических институций указывает на существование методологических вызовов в построении устойчивой корреляции между теоретическими наработками философских подразделений и прикладными научными сферами. Подобная ситуация обнаруживается, в частности, при анализе теоретико-методологических оснований исследований С. П. Онуприенко в области экологии творчества и формирования гуманных ценностей. Предлагаемые концепты, обладая высоким уровнем философской абстракции, сталкиваются со сложностями при разработке верифицируемых методик для их прямой имплементации в педагогический процесс. Это усложняет их широкое отражение в учебных планах профильных вузов биологического или медицинского направлений, а также интеграцию в нормативно-правовые акты. В сфере робототехники и информационных технологий также фиксируется запрос на усиление прикладного характера эвристических алгоритмов, что указывает на известную автономию данных изысканий от текущих практических нужд смежных отраслей.

Особое научно-аттестационное измерение проблема методологической культуры приобретает в прикладном и междисциплинарном сегменте высшей школы. В качестве примера строгости экспертных фильтров в системе ВАК

Республики Беларусь можно привести прецедент рассмотрения докторской диссертации А. В. Колесникова «Киберкосмизм. Цифровая философия темпорального универсума», подготовленной на основе одноименной монографии [Колесников 2022]. Несмотря на положительное решение Диссертационного совета при Институте философии НАН Беларуси в январе 2024 года, Президиум ВАК отклонил данную работу. Экспертное обсуждение выявило дискуссионные аспекты, касающиеся соответствия текста классическому академическому исследовательскому канону. В частности, в научно-критическом поле было отмечено наличие методологического дефицита историко-философской фундированности, проявившегося в недостаточной представленности репрезентативного цитатного материала и специфике работы с первоисточниками (включая оформление библиографических ссылок без указания конкретных страниц). Вопросы некорректной атрибуции терминологического аппарата вызвали острую теоретическую полемику в профессиональном сообществе специалистов по философии космизма, а процедура аттестации актуализировала внимание к строгому соблюдению нормативно-инструктивных регламентов защиты. Данный прецедент наглядно продемонстрировал функционирование механизмов государственного контроля за качеством научных исследований, где формальное одобрение специализированного совета сопоставляется с общеакадемическими критериями научной рациональности и методологической строгости.

На масштабном совещании по развитию академической науки А. Г. Лукашенко жестко потребовал от ВАК не снижать планку требований к диссертациям, подчеркнув, что государству нужны не формально остепененные посредственности, а настоящие ученые. Развеивая иллюзии об автоматическом авторитете, Президент прямо заявил, что статус ученого невозможно повысить искусственно, исследователи обязаны заслужить его сами через прорывные открытия и реальную защиту интересов своей страны. Глава государства напомнил, что на научно-техническое развитие выделяются немалые бюджетные средства, однако отдачи и генерации разработок мирового уровня критически не хватает. Особое внимание А.Г. Лукашенко обратил на аттестацию кадров, заявив: «Пусть будет меньше докторов наук, но важен результат. За ним должна стоять школа. Не думайте, что мы ослабим здесь жим. Мы этим самым поддерживаем настоящих ученых. Пока я Президент, я от вас буду требовать этого. Стране нужны хорошие ученые! Не должно быть посредственностей» [Лукашенко 2025]. Таким образом, власть готова авансировать перспективные проекты, но жесткий экономический принцип остается неизменным: «дай товар — получи деньги», поскольку бесперспективные исследования ради демонстрации на выставочных стендах и «вертолетные деньги» для науки навсегда остались в прошлом.

Описанная институциональная асимметрия парадоксальным образом породила в недрах академической структуры комплементарную тенденцию. В условиях трансформации классических ориентиров *Philosophia Prima* попытки институциональной адаптации вылились не только в освоение прикладных технократических трендов, но и в интенсификацию исследований в области этнокультурных и мифопоэтических реконструкций. Заметным выражением этой методологической диверсификации стал масштабный издательский проект, призванный продемонстрировать результаты в области национальной гуманитаристики.

При рассмотрении фундаментальной пятитомной серии «Традиционная картина мира белорусов» под общей редакцией И. М. Дубенецкой и С. И. Санько, предметом экспертных дискуссий стали сами принципы интерпретации этнокультурного наследия. Критические замечания, артикулируемые в отечественном гуманитарном дискурсе (в частности, в экспертных оценках В. Ф. Гигина), акцентируют внимание на методологической необходимости строгого баланса между академической деконструкцией архаичных мифологем и задачами консолидации государственной и культурной идентичности [Дубянецкая 2023–2026]. Описанный прецедент актуализирует также более общую проблему профессиональной востребованности исследователей узкого фундаментального профиля (например, таких как специалисты по платонизму или компаративному языкознанию). Творческий путь С. И. Санько наглядно иллюстрирует системный вызов, перед лицом которого оказываются уникальные академические изыскания в условиях, когда институциональные рамки ориентируют научные коллективы на разработку преимущественно нормативно-прикладных тем, что порой ограничивает развитие суверенных историко-философских и индологических проектов, вынуждая исследователей работать вне рамок официальных программ. Пока здесь не знают, куда применить редчайшие знания ученого-классика, читающего на санскрите и древнегреческом, его статьи с радостью публикуют в Индии.

Анализ контекста обнаруживает дискуссионный методологический дисбаланс, связанный с соотношением различных исследовательских парадигм в структуре академического учреждения. Если направления, ориентированные на изучение общих восточнославянских историко-культурных корней и классической философской мысли региона, порой оказывались на периферии институционального внимания, то приоритет нередко отдавался специфическим локальным текстологическим проектам. Ярким примером методологических дискуссий здесь выступает деятельность исследовательских коллективов, активность которых во многом сосредоточена на реконструкции и адаптации локальных мифологических конструктов с их последующей экстраполяцией на общенациональный масштаб. Оппоненты указывают на теоретическую уязвимость такого подхода: обособление традиционного мировоззрения и попытка выстроить его герметичную деконструкцию вне более широкого исторического, конфессионального и восточнославянского контекста могут создавать концептуальные лакуны. Основные методологические претензии рецензентов сосредоточены вокруг проблемы верификации источников и жесткости концептуальных рамок исследований. Указывается на риски избыточной опоры авторов на умозрительные реконструкции фольклорно-мифологических моделей без достаточного эмпирического и компаративного обоснования. По мнению ряда исследователей, подобный подход, смещающий академическую мысль в сторону субъективизации, вступает в противоречие с критериями строгой научной рациональности. Такой эпистемологический крен не просто трансформирует стандарты академического исследования, но и актуализирует риски размывания традиционных ценностных ориентиров в современном гуманитарном пространстве.

В этой связи методологические риски партикулярных этноцентрических концепций вступают в очевидное противоречие с императивами защиты гума-

нитарных рубежей государства, сформулированными в программном междисциплинарном исследовании под редакцией О. А. Павловской [Павловская 2010]. Впрочем, сама эта фундаментальная работа демонстрирует обратную сторону той же институциональной тенденции: стремясь минимизировать риски концептуального вакуума, авторы интегрируют классический философский инструментарий в структуру прикладных задач национальной безопасности. Означенный ракурс актуализирует дискуссионный теоретический вопрос о демаркации между суверенной академической наукой, фундаментальной философией и спецификой нормативно-охранительного дискурса [Павловская 2010].

Следствием доминирования прагматических подходов в образовательной и научной политике становится постепенное сужение классических академических направлений. В итоге проводимые институциональные реформы, оптимизация напрямую затронули ключевые звенья историко-философской и религиоведческой мысли. Так, возможная реорганизация сектора философии религии и религиоведения, возглавляемого кандидатом философских наук Н. А. Никонович, обозначает серьезные вызовы в данной сфере. Изменение статуса или расформирование этого профильного подразделения создает риски деинституционализации религиоведческого знания в его академическом и системном измерении, усложняя замещение специализированных исследовательских ниш. Утрата профильной площадки для объективной экспертизы религиозных процессов может ограничить возможности гуманитарной науки в области экспертного обеспечения духовной безопасности.

Параллельно трансформационные процессы затронули и фундаментальную историко-философскую школу Белоруссии. Перед академическим сообществом встал вопрос о предотвращении рисков прерывания уникального текстологического и методологического канона исследования национальной мысли. Исторически эта традиция формировалась трудами таких белорусских ученых, как А. С. Майхрович, А. А. Бирало, Э. К. Дорошевич и С. А. Подокшин; В. М. Кононом, ставшим основоположником белорусской академической эстетики, философии культуры и системного анализа национальных мифопоэтических архетипов. Именно они заложили основы рационального, системного осмысления историко-философского процесса в регионе, свободного от крайностей как методологического вытеснения, так и партикулярного национализма. В современных условиях преемственность этой школы развивается в исследованиях [Бобков 2008–2024], продолжающих теоретическое осмысление данной парадигмы в рамках отдела истории философии. Особое значение для методологического фундамента школы имели и работы Т. М. Тузовой. Ее глубокий анализ специфики философской рефлексии и фундаментальные историко-философские исследования французского экзистенциализма (в частности, сартроведения) позволили связать локальный контекст с универсальным онтологическим осмыслением проблем свободы и сознания. Однако системное влияние регуляторной бюрократической среды и усложнение междисциплинарных связей ставят под вопрос возможности долгосрочного воспроизводства этой фундаментальной традиции новым поколением ученых, требуя выработки новых механизмов академической поддержки.

Тем не менее, институциональные трансформации и структурные изменения не означают аннигиляции накопленного интеллектуального потенциала.

Тот факт, что в условиях интенсивных реформ в академической среде сохранялись очаги подлинного научного поиска, доказывает имманентную жизнеспособность специализированного теоретического знания и суверенность академической мысли. Реальный научный потенциал, способный поддерживать репрезентативность отечественного философского дискурса на международном уровне, при условии его систематической профессиональной оценки оказывается аккумулирован в исследованиях И. Е. Прися, сфокусированных на конвергенции философской методологии и современных когнитивных систем, а также в трудах А. Н. Спаскова в области квантовой эпистемологии. Значимым вектором этой работы выступает сохранение преемственности и памяти о теоретическом наследии Э. М. Сороко, чья диалектико-синергетическая парадигма сегодня находит новое прочтение в междисциплинарных контекстах.

Стоит отметить и научные исследования в области феноменологии исторической памяти, разворачиваемые в работах Д. В. Малахова. Опираясь на конститутивный метод и этические измерения феноменологии Э. Гуссерля, а также фундаментальную онтологию и философию события М. Хайдеггера, данные изыскания осуществляют детальный разбор форм конституирования темпоральных структур коллективной памяти, механизмов их трансцендирования в социокультурное пространство. В эпоху тотальной цифровизации и деформации первичных структур человеческого опыта обращение к феноменологии «свидетельства» (в частности, в контексте осмысления трагических событий Великой Отечественной войны, Холокоста и «огненных деревень» Белоруссии) позволяет вернуть философскому знанию его строгий научно-рациональный статус. Значимость работ Д. В. Малахова заключается в преодолении узкого умозрительного этноцентризма за счет осовременивания событий прошлого, что закладывает прочный теоретический базис под защиту национальной гуманитарной безопасности. Это также позволило в радикально новом ключе рассмотреть философию события Последнего Бога М. Хайдеггера в ретроспективе катастрофичности истории середины XX века [Малахов 2023].

Перечисленные авторы указанных исследований доказывают, что строгая академическая мысль способна успешно функционировать и развиваться в условиях усложнения внешней регуляторной среды. Однако этот качественный прорыв в современных условиях нередко оказывается дистанцирован от общего прагматизированного или нормативно-описательного поля национальной гуманитаристики, существуя в режиме академической автономии.

Таким образом, институциональное переформатирование Института философии НАН Беларуси выступает закономерным эпистемологическим и структурным следствием трансформации механизмов воспроизводства академической традиции. Естественная смена поколений носителей классической школы и усиление прагматических, технократических методов администрирования руководства привели к частичному изменению границ предметного ядра философского знания. Данная тенденция наглядно иллюстрируется пересмотром внутренних приоритетов институции: переходом управленческих подходов к моделям технократического менеджмента, а также заметным смещением исследовательского и дидактического фокуса академических кадров из области фундаментальной теоретической мысли в плоскость популяризации ряда фреймворков.

Попытки компенсации данных структурных вызовов распределились между двумя методологическими крайностями: прагматизмом в сфере прикладных дисциплин (искусственный интеллект, биоэтика, киберкосмизм) и умозрительной этнокультурной мифологизацией. Оба вектора продемонстрировали существование методологических лакун в системе внутренней научной экспертизы. Это верифицируется как на уровне усложнения аттестационной культуры (в прецеденте с отклонением докторской диссертации А. В. Колесникова Президиумом ВАК), так и на уровне теоретических дискуссий вокруг пятитомника под редакцией И. М. Дубенецкой. В данных обсуждениях очевидные смещения в сторону партикулярного этноцентризма и преобладание дескриптивных подходов обнажили определенные сложности для выработки академическим менеджментом системных ответов на современные геополитические и интеллектуальные вызовы, а также дефицит концептуальных альтернатив уровня таких масштабных макромировоззренческих систем, как «русская идея», «западнорусизм» или «европоцентризм».

На фоне реорганизации сектора философии религии и религиоведения (под руководством канд. филос. наук Н. А. Никонович) и усложнения условий для воспроизводства классической историко-философской школы (развиваемой в исследованиях И. М. Бобкова, С. И. Санько), изолированные прорывы в области квантовой эпистемологии А. Н Спасков, когнитивных, аналитических штудий (И. Е. Прись) и феноменологии исторической памяти (Д. В. Малахов) подчеркивают жизнеспособность автономной теоретической мысли. Однако в современных условиях они существуют в режиме академического обособления, подтверждая общую системную тенденцию: академический Логос, дистанцирующийся от защиты приоритетов *Philosophia Prima*, неизбежно сталкивается с рисками поглощения и утилизации функционально-бюрократическими структурами «Постава».

Заключение

Где нет людей, я не одинок...
Здесь тишина сшивает раны,
И пробивается росток
Сквозь метафизику тумана.

Игорь Шкляревский

Мы стоим на обломках, которые даже не всегда можем опознать. Трагедия, о которой пророчески предупреждал Фридрих Ницше, в белорусском XX веке совершила свой полный, зловещий круг. Она началась со слепой, кровоточащей «Заброшенности» миллионов людских судеб, согнанных в пределы черты оседлости и ввергнутых в горнило войн, террора. Но этот край, эта онтологическая «хора», созидательной мощью вскормленных ею исполинов духа, стекавшихся сюда из обособленных миров, самобытных гнезд и полярных сфер человеческого духа, осуществили немыслимое. Врачи и философы, зодчие и музыканты, исследователи тайн материи и искатели смыслов Бытия объединились в едином метафизическом порыве. Они преобразили стон в геометрию камня, а изначальный дионисийский гул страданий огранили в строгие, кристальные аполлонические формы академической музыки, балетного шага, спасительного врачевания и философского Логоса. Это был хрупкий, оплаченный кровью просвет, удерживающий Dasein в открытости Бытия (в терминах М. Хайдеггера).

Но современный этап технократической цивилизации обнаруживает вызовы, о которых в свое время предупреждал Л. Шестов. Риски утилитарного прагматизма проявляются сегодня не в облике грозных разрушителей, а в форме стандартизированных регламентов казенного функционализма, мертвых юбилейных портретов и унифицированных диссертационных текстов, далеких от идеалов подлинного академического канона. Философская мысль порой сама уступает свой живой горизонт интенциональности, меняя порывы титанов на номенклатурный покой и прагматичные грантовые обязательства. Академическая культура соглашается на вынужденную автономию, оказываясь низведенной структурами Постава (*Gestell*) до уровня исчисляемого ресурса. В условиях масштабных оптимизационных процессов, когда закрывались и реорганизовывались традиционные музыкально-педагогические факультеты и кафедры, наследники великих имен прошлого рискуют раствориться в диктате *Das Man*, предпочтя плоский прагматический аттракцион подлинному экзистенциальному жесту и изначальному звучанию Бытия.

И вот занавес упал без аплодисментов. Экзистенциальный вывод из этой долгой истории автономии и сиротства короток, безжалостен: нельзя начать культуру с себя. Человек, высокомерно решивший, что он «все может сам», без преемственности, без смиренного ученичества у тех, кто прошел сквозь лагеря, войны и сознательное отвержение — не освобождается, он просто глохнет, слепнет.

Когда предают философию и отказываются от духа музыки, это не государство уничтожает культуру, это само общество, оглохшее вслед за Сократом, окончательно фиксирует смерть своего слуха. Мы больше не слышим той музыки, которая собирала нас в единый народ из бездны изгнания. Мы остались наедине с сытым, технологичным шумом. Мы стоим на руинах, уверяя друг друга, что строим новый мир, но на самом деле мы просто разучились помнить имена своих мертвых Учителей, и потому обречены оставаться безымянными сиротами на глухих задворках бытия. Нить оборвана. И в наступившей тишине уже невозможно разобрать, был ли этот сто лет длившийся концерт великим рождением трагедии или всего лишь случайным, предсмертным хрипом уходящей европейской культуры.

Какая философия нужна Белоруссии?

Современный белорусский излом требует кардинального пересмотра самих оснований, на которых строится национальное гуманитарное знание. Белоруссии сегодня нужна философия, способная выйти из академического гетто и отказаться от симулякров казенного администрирования. Исходя из метафизического контекста XX–XXI веков, можно сформулировать три фундаментальных модуса новой белорусской мысли.

1. Философия трагического реализма и укоренения. На смену «сытой беспочвенности» и «сократическому глянцу» казенных методичек должна прийти мысль, способная мужественно удерживать собственную заброшенность (*Geworfenheit*). Это философия, которая не бежит в чужие глобалистские мифы, а берет в качестве первоосновы свой собственный кровоточащий ландшафт, белорусскую «хору» (*chora*). Мысль должна вернуть себе физическое присутствие, вырасти из архитектоники нашего камня, изломанной плоти истории и трагического экзистенциального опыта.

2. Философия возвращения Бытийного Слуха (Дионисийский Логос). Белоруссии необходим уход от калькулирующего мышления (*rechnendes Denken*), препарирующего реальность до уровня сухих отчетов ВАК, реферативных эклектичных докторских диссертаций по киберкозмизму, биоэтике или сетевому обществу. Новая философия призвана вернуть себе чуткость к ницшеанскому «духу музыки», способность расслышать гул земли и экзистенциальную боль человека. Это мысль, которая пишется не ради заполнения журнальных страниц ВАК, а как ответ на «бальтазаровский *Gestalt*», сияющую и требовательную форму живой истины, взывающую к совести исследователя.

3. Философия Диалога и «топология открытости», «Событие взаимного присутствия». На руинах монологического самолюбования профессуры должно быть заново отстроено то, что Юзеф Тишнер называл «пространством встречи» (*przestrzeń spotkania*). Это мысль, центрированная на фигуре Другого (*Inny*). Она должна рождаться не из страха перед инстанцией, а из личной ответственности философа перед лицом Истории. Это отказ от «иллюзорного бытия» в пользу живой, рваной, шестовской «беспочвенности», где обретается подлинная свобода духа.

Белоруссии нужна философия как акт экзистенциального спасения, а не в качестве бюрократической услуги. Ей нужна мысль, способная собирать разрозненные осколки нашего разбитого зеркала бытия, мысль, способная вернуть «сироте» ее подлинное Имя и Дом.

Литература

Автономова 2008 — *Автономова Н. С.* Познание и перевод. Опыты философии языка // Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). М.: РОССПЭН, 2008. 704 с.

Агамбен 2011 — *Агамбен Дж.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь // Политическая антропология / Пер. с итал. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Епифанова. М.: Европа, 2011. 256 с.

Агамбен 2014 — *Агамбен Дж.* Профанации // Час «Ч»: Современная мировая философия / Пер. с итал. К. Токмачёва. М.: Гилея, 2014. 112 с.

Артамонова, Вархотов, Кошовец 2000 — *Артамонова Ю., Вархотов Т., Кошовец О.* «Какой для чтения запас!» (Отечественные философские словари) // Логос. 2000. № 4 (25). С. 160–168.

Бабосов 2014 — *Бабосов Е. М.* Фетхуллах Гюлен — турецкий мыслитель и проповедник всемирного масштаба // Труды Института социологии НАН Беларуси / Национальная академия наук Беларуси, Институт социологии. Минск: Беларуская навука, 2014. 203 с.

Бальтазар 1997 — *Бальтазар Х. У. фон.* Достойна веры лишь любовь // Богословские труды / Пер. с нем. под ред. И. Баранова. М.: Истина и Жизнь, 1997. 132 с.

Беньямин 1996 — *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Избранные эссе / Под ред. Ю. А. Здорового; [пер. с нем. С. А. Ромашко]. М.: Медиум, 1996. 240 с.

Бобков 2008–2024 — *Бобков И. М.* История философской и общественно-политической мысли Беларуси: в 6 т. / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии; редкол.: И. М. Бобков [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2008–2024.

Валейтёнок 2026 — *Валейтёнок В. В.* Мифы и реалии философии Востока (рецензия на учебное пособие: Румянцева Т. Г. Введение в философию Древнего Востока. Минск: РИВШ; 2025. 80 с.) // Minbar. Islamic Studies. 2026. Т. 19. № 2. С. 489–498 (дата обращения: 27.08.2026).

Винокурова 2012 — *Винокурова С. П*. Исторический контекст просветительских идей Ф. Гюлена: поиск духовной свободы // Социально-философские аспекты учения Ф. Гюлена: взгляд белорусских ученых: сб. ст. Минск: Беларуская навука, 2012. С. 11–22.

Грязнов 1997 — *Грязнов А. Ф*. Аналитическая философия: проблемы и дискуссии последних лет // Вопросы философии. 1997. № 9. С. 82–95.

Гуссерль 1996 — *Гуссерль Э*. Начало геометрии / Введение Ж. Деррида; пер. с франц. и нем. М. А. Денежкина. М.: Ad Marginem, 1996. 269 с.

Гуссерль 2004 — *Гуссерль Э*. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменологическая философия: Введение в феноменологическую философию / Пер. с нем. Д.В. Скляднева. СПб.: Владимир Даль, 2004. 400 с.

Гуссерль 2009 — *Гуссерль Э*. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга 1: Общее введение в чистую феноменологию / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009. 489 с.

Джохайдзе 2008 — *Джохайдзе И. Д*. Бедный Рорти! К вопросу о плагиате // Пушкин. 2008. № 1. С. 180–187.

Дубянецкая 2023–2026 — *Дубянецкая И. М., Санько С. И*. Традыцыйны светалад беларусаў = Традиционная картина мира белорусов = Traditional worldview of belarusians: у 5 ілюстраваных кнігах / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут філасофіі; уклад. і агул. рэд.: И. М. Дубянецкая, С. И. Санько. Минск: Беларуская навука, 2023–2026.

Дудчик 2025 — *Дудчик А. Ю*. Трансформация научно-образовательного канона в высшей школе: от классической теории к феноменам массовой культуры // Вестник РИВШ. 2025. № 1. С. 40–49.

Зеленков 2007 — *Зеленков А. И*. Философия и методология науки: теоретические основания // Учебное пособие для аспирантов / [А. И. Зеленков и др.]; под ред. А. И. Зеленкова. Минск: Асар, 2007. 479 с.

Кемеров 2002 — *Кемеров В. Е*. Как философствуют сканером // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 168–170.

Колесников 2022 — *Колесников А. В*. Киберкосмизм. Цифровая философия темпорального универсума // Киберкосмизм. Цифровая философия темпорального универсума. Минск: Беларуская навука, 2022. 315 с.

Кун 1977 — *Кун Т*. Структура научных революций // Логика и методология науки: Современные зарубежные исследования / Пер. с англ. И. З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

Лаптенок 2012 — *Лаптенок А. С*. Предисловие // Социально-философские аспекты учения Ф. Гюлена: взгляд белорусских ученых: сб. ст. Минск: Беларуская навука, 2012. С. 6–8.

Лебедев 2005 — *Лебедев В*. Мы были! // Независимый альманах «Лебедь». 2005. № 429. [Электронный ресурс] URL: https://lebed.com/2005/art4294.htm (дата обращения: 27.08.2026).

Лукашенко 2024 — *Лукашенко А. Г*. Встреча с членами Республиканского совета ректоров учреждений высшего образования // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2024. URL: president.gov.by (дата доступа: 05.09.2026).

Лукашенко 2025 — *Лукашенко А. Г*. Совещание по вопросам развития научной сферы и деятельности Национальной академии наук Беларуси // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2025. URL: president.gov.by (дата доступа: 05.09.2026).

Лукашенко 2026 — *Лукашенко А. Г*. Совещание по проекту Указа Президента Республики Беларусь «О совершенствовании научной деятельности» // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2026. URL: president.gov.by (дата доступа: 05.09.2026).

Малахов 2023 — *Малахов Д. В*. Философия события «последнего Бога» М. Хайдеггера в контексте теологии «после Освенцима» // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15. № 3, ч. 1. С. 51–69.

Мацевич 2023 — *Мацевич М. Я., Валейтёнок В. В*. Амбивалентность в оценках и восприятии наследия Ф. Гюлена определенной частью белорусской академической среды // Minbar. Islamic Studies. 2023. Т. 16. № 2. С. 318–336.

Мацевич 2026 — *Мацевич М. Я*. Место и роль Сибири в философии французских «новых правых» // Respublica Literaria. 2026. Т. 7. № 1. С. 104–113.

Никифоров 2013 — *Никифоров А. Л*. Что такое «постнеклассическая наука»? // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36. № 2. С. 136–144.

Ницше 2012 — *Ницше Ф*. Рождение трагедии из духа музыки / Пер. с нем. Г. А. Рачинского. СПб.: Азбука, 2012. 224 с.

Овчаренко 1999 — *Овчаренко В. И., Лейбин В. М*. Антология российского психоанализа // Антология российского психоанализа: в 2 т. М.: Флинта, 1999. Т. 1. 484 с.

Павловская 2010 — *Павловская О. А*. Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы / О. А. Павловская, С. П. Винокурова [и др.]; под ред. О. А. Павловской; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. Минск: Беларусская навука, 2010. 519 с.

Родин 2019 — *Родин А. В*. Историческая эпистемология Степина и ее критика // Первые Степинские чтения. Современный этап развития науки и кризис техногенной цивилизации: Материалы конференции с международным участием (Москва, 5–6 ноября 2019 г.) / Отв. ред. В. Г. Буданов, В. А. Лекторский. Курск: Университетская книга, 2019. С. 200–210.

Розанов 1990 — *Розанов В. В*. Уединенное; Опавшие листья; Апокалипсис нашего времени // Мыслители XX века. М.: Республика, 1990. 543 с.

Рубанов 2026 — *Рубанов А. В*. Мудрость книги «Наедине с собой. Размышления» Марка Аврелия // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2026. № 1. С. 4–10.

Сегалин 1925–1930 — *Сегалин Г. В*. Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии): в 5 т. // Полное издание в одной книге / Под ред. Г. В. Сегалина, И. Галанта. Свердловск; Ленинград: Практическая медицина, 1925–1930. Т. 1–5. 1560 с.

Степин 2021 — *Степин В. С*. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция // Философское наследие академика В. С. Степина / Под ред. А. Н. Данилова. Минск: Белорусская наука, 2021. 744 с.

Тишнер 2001 — *Тишнер Ю*. Философия драмы // Избранные труды по христианской философии / Пер. с польск. А. Черняева. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 2001. 256 с.

Тишнер 2005 — *Тишнер Ю*. Homo sovieticus (Между свободой и несвободой) // Избранное. Т. 2: Философия драмы. М.: РОССПЭН, 2005. С. 81–112.

Федоров 2020 — *Федоров А. А*. Постнеклассическая психология и псевдонаука: реалистическая перспектива // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 93–103.

Хайдеггер 1993 — *Хайдеггер М*. Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., перев. с нем. и коммент. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.

Хайдеггер 1997 — *Хайдеггер М*. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.

Хайдеггер 2002 — *Хайдеггер М*. Лесные тропы / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Ad Marginem, 2002. 432 с.

Хайдеггер 2008 — *Хайдеггер М*. Исток художественного творения / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. 528 с.

Шестов 1993 — *Шестов Л. И*. Афины и Иерусалим // Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 317–664.

Шестов 1996 — *Шестов Л. И*. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления) // Сочинения: в 2 т. Томск: Водолей, 1996. Т. 2. С. 131–326.

Шестов 2004 — *Шестов Л. И*. Достоевский и Ницше (Философия трагедии) // Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2004. С. 15–172.

Balthasar 1941 — *Balthasar H. U. von*. Kosmische Liturgie. Maximus der Bekenner: Höhe und Krise des griechischen Weltbilds // Philosophische und theologische Schriften. Freiburg im Breisgau: Herder, 1941. 373 S.

Sallis 1994 — *Sallis J*. Stone. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1994. 147 p.

Sallis 2000a — *Sallis J*. Chorology: On Beginning in Plato's Timaeus. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 184 p.

Sallis 2000b — *Sallis J*. Force of Imagination: The Sense of the Elemental. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 272 p.

References

Agamben 2011 — Agamben G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life / Political Anthropology. Translated from Italian by I. Levina, O. Dubitskaya, P. Epifanov. Moscow: Evropa, 2011. 256 p. In Russian.

Agamben 2014 — Agamben G. Profanations / Hour «C»: Modern World Philosophy. Translated from Italian by K. Tokmachev. Moscow: Gileya, 2014. 112 p. In Russian.

Artamonova, Varkhotov, Koshovets 2000 — Artamonova Yu., Varkhotov T., Koshovets O. «What a stock for reading!» (Domestic philosophical dic-tionaries) // Logos. No. 4 (25). Pp. 160–168. In Russian.

Avtonomova 2008 — Avtonomova N. S. Cognition and Translation. Experiments in the Philosophy of Language. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008. 704 p. In Russian.

Babosov 2014 — Babosov E. M. Fethullah Gulen — a Turkish Thinker and Preacher of a Global Scale // Proceedings of the Institute of Sociology of the NAS of Belarus / National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Sociology. Minsk: Belaruskaya navuka, 2014. 203 p. In Russian.

Balthasar 1941 — Balthasar H. U. von. Kosmische Liturgie. Maximus der Bekenner: Höhe und Krise des griechischen Weltbilds // Philosophische und theologische Schriften. Freiburg im Breisgau: Herder, 1941. 373 S.

Balthasar 1997 — Balthasar H. U. von. Love Alone Is Credible // Theological Works. Translated from German under the editorship of I. Baranov. Moscow: Istina i Zhizn, 1997. 132 p. In Russian.

Benjamin 1996 — Benjamin W. The Work of Art in the Age of Its Technological Reproducibility // Selected Essays. Edited by Yu. A. Zdorovyi; translated from German by S. A. Romashko. Moscow: Medium, 1996. 240 p. In Russian.

Bobkov 2008–2024 — Bobkov I. M. History of Philosophical and Social-Political Thought of Belarus: in 6 vols. / National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Philosophy; editorial board: I. M. Bobkov [et al.]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2008–2024. Vol. 1–6. In Russian.

Dubianetskaya 2023–2026 — Dubianetskaya I. M., Sanko S. I. Traditional Worldview of Belarusians: in 5 illustrated books / National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Philosophy; compiled and edited by I. M. Dubianetskaya, S. I. Sanko. Minsk: Belaruskaya navuka, 2023–2026. In Russian.

Dudchik 2025 — Dudchik A. Y. Transformation of the Scientific and Educational Canon in Higher Education: From Classical Theory to Mass Culture Phenomena // Vestnik RIHE. 2025. No. 1. P. 40–49. In Russian.

Dzhokhaidze 2008 — Dzhokhaidze I. D. Poor Rorty! On the Question of Plagiarism // Pushkin. 2008. No. 1. P. 180–187. In Russian.

Fedorov 2020 — Fedorov A. A. Post-Non-Classical Psychology and Pseudoscience: A Realistic Perspective // Voprosy Filosofii. 2020. No. 7. P. 93–103. In Russian.

Gryaznov 1997 — Gryaznov A. F. Analytical Philosophy: Problems and Discussions of Recent Years // Voprosy Filosofii. 1997. No. 9. P. 82–95. In Russian.

Heidegger 1993 — Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches / Compilation, translation from German and commentary by V. V. Bibikhin. Moscow: Respublika, 1993. 447 p. In Russian.

Heidegger 1997 — Heidegger M. Being and Time / Translated from German by V. V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem, 1997. 451 p. In Russian.

Heidegger 2002 — Heidegger M. Off the Beaten Track (Holzwege) / Translated from German by A. V. Mikhailov. Moscow: Ad Marginem, 2002. 432 p. In Russian.

Heidegger 2008 — Heidegger M. The Origin of the Work of Art / Translated from German by A. V. Mikhailov. Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2008. 528 p. In Russian.

Husserl 1996 — Husserl E. The Origin of Geometry / Introduction by J. Derrida; translated from French and German by M. A. Denezhkin. Moscow: Ad Marginem, 1996. 269 p. In Russian.

Husserl 2004 — Husserl E. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology / Translated from German by D. V. Sklyadnev. Saint Petersburg: Vladimir Dal, 2004. 400 p. In Russian.

Husserl 2004 — Husserl E. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenological Philosophy: An Introduction to Phenomenological Philosophy / Translated from German by D. V. Sklyadnev. Saint Petersburg: Vladimir Dal, 2004. 400 p. In Russian.

Husserl 2009 — Husserl E. Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Book 1: General Introduction to a Pure Phenomenology / Translated from German by A. V. Mikhailov. Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2009. 489 p. In Russian.

Kemerov 2002 — Kemerov V. E. How they philosophize with a scanner // Voprosy Filosofii. 2002. No. 7. P. 168–170. In Russian.

Kolesnikov 2022 — Kolesnikov A. V. Cybercosmism. Digital Philosophy of the Temporal Universe. Minsk: Belaruskaya navuka, 2022. 315 p. In Russian.

Kuhn 1977 — Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions // Logic and Methodology of Science: Modern Foreign Studies / Translated from English by I. Z. Naletov. Moscow: Progress, 1977. 300 p. In Russian.

Laptenok 2012 — Laptenok A. S. Preface // Social-Philosophical Aspects of F. Gülen's Teachings: the View of Belarusian Scientists: collection of articles. Minsk: Belaruskaya navuka, 2012. P. 6–8. In Russian.

Lebedev 2005 — Lebedev V. We Were! // Independent Almanac «Lebed». 2005. No. 429. [Electronic resource] URL: https://lebed.com/2005/art4294.htm (accessed: 27.08.2026). In Russian.

Lukashenko 2024 — Lukashenko A. G. Meeting with members of the Re-publican Council of Rectors of Higher Education Institutions // Official Internet Portal of the President of the Republic of Belarus [Electronic resource]. 2024. URL: president.gov.by (accessed: 05.09.2026).

Lukashenko 2026 — Lukashenko A. G. Meeting on the draft Decree of the President of the Republic of Belarus «On Improving Scientific Activity» // Official Internet Portal of the President of the Republic of Belarus [Electronic resource]. 2026. URL: president.gov.by (accessed: 05.09.2026). In Russian.

Lukashenko 2025 — Lukashenko A. G. Meeting on the development of the scientific sphere and activities of the National Academy of Sciences of Belarus // Official Internet Portal of the President of the Republic of Belarus [Electronic resource]. 2025. URL: president.gov.by (accessed: 05.09.2026). In Russian.

Lukashenko 2026 — Lukashenko A. G. Meeting on the draft Decree of the President of the Republic of Belarus «On Improving Scientific Activity» // Official Internet Portal of the President of the Republic of Belarus [Electronic resource]. 2026. URL: president.gov.by (accessed: 05.09.2026). In Russian.

Malakhov 2023 — Malakhov D.V. Philosophy of the Event of Martin Heidegger's «The Last God» in the Context of «Post-Auschwitz» Theology // Ideas and Ideals. 2023. Vol. 15. No. 3-1. P. 51–69. In Russian.

Matsevich 2023 — Matsevich M. Y., Valeitionok V. V. Ambivalence in the Assessments and Perception of F. Gülen's Heritage by a Certain Part of the Belarusian Academic Community // Minbar. Islamic Studies. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 318–336. In Russian.

Matsevich 2026 — Matsevich M. Y. The Place and Role of Siberia in the Philosophy of the French «New Right» // Respublica Literaria. 2026. Vol. 7. No. 1. P. 104–113. In Russian.

Nietzsche 2012 — Nietzsche F. The Birth of Tragedy from the Spirit of Music / Translated from German by G. A. Rachinsky. Saint Petersburg: Azbuka, 2012. 224 p. In Russian.

Nikiforov 2013 — Nikiforov A. L. What Is «Post-Non-Classical Science»? // Epistemology & Philosophy of Science. 2013. Vol. 36. No. 2. P. 136–144. In Russian.

Ovcharenko 1999 — Ovcharenko V. I., Leibin V. M. Anthology of Russian Psychoanalysis // Anthology of Russian Psychoanalysis: in 2 vols. Moscow: Flinta, 1999. Vol. 1. 484 p. In Russian.

Pavlovskaya 2010 — Pavlovskaya O. A. Security of Belarus in the Humanities Sphere: Socio-Cultural, Spiritual and Moral Issues / O. A. Pavlovskaya, S. P. Vinokurova [et al.]; ed. by O. A. Pavlovskaya; National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Philosophy. Minsk: Belaruskaya Navuka, 2010. 519 p. In Russian.

Rodin 2019 — Rodin A. Stepin's Historical Epistemology and Its Critique // The First Stepin Readings. The Current Stage of Science Development and the Crisis of Technogenic Civilization: Proceedings of the Conference with International Participation (Moscow, November 5–6, 2019) / Executive editors V. G. Budanov, V. A. Lektorsky. Kursk: Universitetskaya kniga, 2019. P. 200–210. In Russian.

Rozanov 1990 — Rozanov V. V. Solitaria; Fallen Leaves; The Apocalypse of Our Time // Thinkers of the 20th Century. Moscow: Respublika, 1990. 543 p. In Russian.

Rubanov 2026 — Rubanov A. V. The wisdom of the book «Meditations» by Marcus Aurelius // Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology. 2026. No. 1. P. 4–10. In Russian.

Sallis 1994 — Sallis J. Stone. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1994. 147 p.

Sallis 2000a — Sallis J. Chorology: On Beginning in Plato's Timaeus. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 184 p.

Sallis 2000b — Sallis J. Force of Imagination: The Sense of the Elemental. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 272 p.

Segalin 1925–1930 — Segalin G. V. Clinical Archive of Genius and Talent (Evropathology): in 5 volumes // Complete Edition in One Book / Edited by G. V. Segalin, I. Galant. Sverdlovsk; Leningrad: Prakticheskaya meditsina, 1925–1930. Vol. 1–5. P. 1–1560. In Russian.

Shestov 1993 — Shestov L. I. Athens and Jerusalem // Works: in 2 vols. Moscow: Nauka, 1993. Vol. 1. P. 317–664. In Russian.

Shestov 1996 — Shestov L. I. The Apotheosis of Groundlessness (An Essay in Adogmatic Thinking) // Works: in 2 vols. Tomsk: Vodoley, 1996. Vol. 2. P. 131–326. In Russian.

Shestov 2004 — Shestov L. I. Dostoevsky and Nietzsche (The Philosophy of Tragedy) // The Apotheosis of Groundlessness. Moscow: AST, 2004. P. 15–172. In Russian.

Stepin 2021 — Stepin V. S. Theoretical Knowledge: Structure, Historical Evolution // Philosophical Heritage of Academician V. S. Stepin / Edited by A. N. Danilov. Minsk: Belorusskaya nauka, 2021. 744 p. In Russian.

Tischner 2001 — Tischner J. Philosophy of Drama // Selected Works on Christian Philosophy / Translated from Polish by A. Chernyaev. Moscow: Izd-vo Svyato-Vladimirskogo Bratstva, 2001. 256 p. In Russian.

Tischner 2005 — Tischner Yu. Homo sovieticus (Mezhdu svobodoy i nesvobodoy) [Homo Sovieticus (Between Freedom and Unfreedom)] // Izbrannoe. T. 2: Filosofiya dramy [Selected Works. Vol. 2: The Philosophy of Drama]. Moscow: ROSSPEN, 2005. P. 81–112. In Russian.

Valeitionok 2026 — Valeitionok V. V. Myths and realities of the «eastern philosophy» (Book review: Rumyantseva T.G. Introduction to the Philosophy of the Ancient East. Minsk: RIHE, 2025. 80 p.) // Minbar. Islamic Studies. 2026. Vol. 19. No. 2. P. 489–498. In Russian.

Vinokurova 2012 — Vinokurova S. P. Historical Context of F. Gülen's Enlightenment Ideas: the Search for Spiritual Freedom // Social-Philosophical Aspects of F. Gülen's Teachings: the View of Belarusian Scientists: collection of articles. Minsk: Belaruskaya navuka, 2012. P. 11–22. In Russian.

Zelenkov 2007 — Zelenkov A. I. Philosophy and Methodology of Science: Theoretical Foundations // Textbook for Postgraduate Students / [A. I. Zelenkov et al.]; edited by A. I. Zelenkov. Minsk: Asar, 2007. 479 p. In Russian.